

Что происходит на Земле, где искать причину гибели цивилизации? Этими вопросами задается бродяга Алекс, исследующий руины в поисках забытых книг. А может, в чем-то прав нелюдимый отшельник по прозвищу Швед, который, перетолковывая скандинавские мифы, объясняет катаклизм пробуждением древнего великана? Но, что бы ни разбудило стихию, ее ярость Алексу и Шведу придется испытать на себе, когда они поведут тайным путем отряд Черного Рынка, которым командует жестокий и непреклонный атаман.

Вектор угрозы
Автор: Бродяга

Дохлые пауки-мутанты, насаженные на колья – вот главная достопримечательность Выселков. Врытые в землю шесты торчали вдоль фасада двухэтажного здания, у обочины. Солнце стояло невысоко, и тени кольев со зловещими украшениями тянулись до середины дороги. Алекс чуть свернул, чтобы не наступить. Даже тени вызывали у него гадливость, а местные – ничего, привыкли. Они боялись лишь живых пауков.

Здоровенные ядовитые твари обосновались в подвале двухэтажки и повадились в поселение, вот здешние жители и устроили такую ограду. Почему-то уцелевшие пауки не

решались шастать между кольев, хотя в подвале мутантов было по-прежнему полным-полно. Туловище размером с голову взрослого человека, полуметровые мохнатые лапы – жуть. Даже на кольях смотрятся страшненько, а уж лезть к ним в подвал, чтобы вывести эту породу окончательно, никто не решался. Все равно здание не удастся использовать, слишком близко к нему с тыльной стороны подступал Лес.

Алекс когда-то облазил оба этажа, даже в подвал с пауками забирался. Ничего интересного там не нашлось. В общем, пауки оставались в подвале, от них Выселки отгородились кольями. Эх, если бы и от Леса можно было так просто защититься...

Площадь перед двухэтажкой по ночам пустела, а сейчас, днем, на ней шумел рынок. Наспех сколоченные лотки, повозки, расстеленный на земле брезент – и многоголосый шум. Несколько десятков человек с азартом торгуются, выкрикивают товары и цены, роются в рюкзаках, разгребают груды выставленных на обозрение припасов.

Алексей высмотрел Власова, старосту Выселок, тот важно прохаживался между возами и палатками торговцев.

- Привет тебе, правитель великого города! Как жизнь?

- Алекс, здорово! Ну, какая жизнь в этом... хех... великом городе?

- Веселая, наверное?

- Ага, вроде того. Сплошная веселуха. А ты как, все по руинам лазишь? Старое барахло собираешь? Смотрю, рюкзак полный. Что принес?

- Да там больше книги. Ну и на обмен кое-что найдется, конечно.

- Книги... И зачем только таскаешь этот хлам... Слушай, Алекс, а оставайся у нас, в Выселках? Хозяйство заведешь, невесту тебе подыщем, а? О книжках и думать забудешь!

Этот разговор староста затевал не впервые.

- Нет, Власов, я пауков не люблю.

- А что пауки? Сидят себе в подвале, к нам теперь не суются... э, что там за шум?

Среди торговых рядов поднялся крик. Власов поспешил туда, на ходу поправляя дробовик на ремне. Толстая тетка орала, что ее обокрали:

- Стащили! Целую миску яблок стащили!

- Платье новое! – подхватила другая. – Из-под носа! Ни стыда, ни совести! Ворюги проклятые, Лес их заберит!

- Тихо, не орите, - прикрикнул Власов, и тетка мгновенно заткнулась. – Вот ты, говори спокойно, кто стащил?

- Да вертелась здесь такая чумазая...

- Солдаты! – заорали у дороги. – Возрожденцы! Сюда идут!

И вот тут-то началась настоящая суета. Появление солдат Армии Возрождения не сулило ничего хорошего, в этих местах они были чужаками и не пытались поддерживать хорошие отношения с фермерами. Солдаты реквизировали припасы, а иногда и «вербовали» местных – то есть попросту уводили с собой молодых мужчин, да и подростков тоже. Поэтому парней при появлении возрожденцев прятали. Вот и сейчас матери первым делом бросились разгонять по домам мальчишек. Толстой торговке стало не до яблок, она принялась пронзительно звать сына, тот не откликался. Кто спешно увязывал товары, кто бежал прятаться. Власов созвал мужчин постарше – все, разумеется, при оружии. Близость Леса диктовала свои законы.

Алексею встречаться с солдатами не хотелось, но было любопытно узнать, зачем они сюда пожаловали. Выселки находились слишком далеко от их баз, здесь скорей можно было ждать появления бойцов Черного Рынка. И вдруг армейцы... Интересный оборот! Алекс побежал к двухэтажке. Втянув голову в плечи, промчался между кольями с нанизанными мутантами, нырнул в тень под стеной. Как раз когда он сворачивал за угол, на дороге показались солдаты. Они шагали медленно, как будто нарочно давали время местным, чтобы успели испугаться посильнее. Шесть человек в шлемах, разгрузках, с автоматами – они выглядели куда внушительней, чем Власов с земляками.

Тыльную сторону здания от Леса отделяло около сотни шагов – развалины, оплетенные

ползучими побегами, заросшие сорняком улицы, ржавые остовы автомобилей... Старый поселок оказался частично поглощен Лесом, а то, что осталось, новых поселенцев не влекло. Двухэтажка, когда-то стоявшая на окраине, теперь стала границей между Лесом и Выселками, которые построили беженцы. Алексей пробежал вдоль разогретой солнцем стены к знакомому пролому. Внутри было темно, едва проникающие в дыру солнечные лучи терялись в колышущихся многослойных завесах паутины. Алекс отметил, что недавно паутину уже потревожили – сквозь нее кто-то продирался, расшвыривая оборванные лохмотья. Может, сегодня, а может пару дней назад, не разберешь. Доставая фонарик, он на всякий случай приготовил и пистолет.

Алексей путешествовал налегке, громоздкое оружие было ни к чему, но ствол в новом мире – предмет первой необходимости, и он обзавелся «макаровым». Включив фонарик, Алекс нырнул в пыльную темноту, перегороженную драными лохмотьям паучьих сетей. Тонкий лучик фонаря скользнул по паутине, уперся в цепочку прорех, которая тянулась от того самого пролома в стене, которым воспользовался Алекс. В конце этого своеобразного тоннеля кто-то ворочался и вполголоса бормотал – скорее всего, ругательства. Паутина на первый взгляд кажется хрупкой и непрочной, но если намотаешь на себя несколько слоев – то держит крепко.

Незнакомец, попавшийся в паутину, задергался сильнее. Луч фонарика остро блеснул на пистолетном стволе. Дуло глядело не на Алекса, он проследил взглядом направление и увидел крупного паука, неторопливо подбирающегося к добыче. Мутант был не такой большой, как те, что на кольях снаружи, но вполне порядочный. Значит, уже взрослый и яд наверняка вырабатывать умеет.

Паук, перебирая мохнатыми суставчатыми лапками, полз из темноты по сети, качающейся от движений человека. Незнакомец был мелкий и тщедушный. Алекс решил, что это кто-то из выселковской молодежи – прячется от армейцев, а заодно и от родителей. Тоже решил поглядеть на солдат Армии Возрождения из подвала.

- Не стреляй, армейцы услышат.

Алекс сжал фонарик зубами, выдрал из липких объятий паутины трухлявый обломок доски и направился к пауку. Тварь, оказавшись в луче света, замерла, подобрав под брюхо голенастые лапы и сердито сверкая всеми восемью глазами. Алекс уже имел дело с этими мутантами и знал, что их неторопливость обманчивая. Поэтому, когда паук метнулся, шустро перебирая конечностями, из светового луча, Алекс был готов. Доска с глухим чавканьем треснула тварь по крошечной башке и отшвырнула в темноту. Разделавшись с пауком, Алекс обернулся к незнакомцу. Тот никак не мог выпутаться из липких объятий паучьей сети, пришлось помочь.

- Не лезь в паутину, - пояснил Алекс, отдирая липкие хлопья, - всегда можно между сетями протиснуться, я проверял. Они только кажутся сплошными, а на самом деле проход найти легко.

- Ладно, - высоким хрипловатым голосом ответил незнакомец, - и это... спасибо, что помог. А то в самом деле стрелять – не дело. Яблоко хочешь?

В луче света показалась тощая рука с большим яблоком.

Алекс, хрустя яблоком, пробрался по подвалу, пригибаясь под завесами паутины. Наконец впереди показалися оконца, с этой стороны двухэтажка глубже уходила в грунт, и помещение являлось полуподвалом. Потушив фонарь, Алекс пробрался к окну, незнакомец пристроился рядом. Перед ними была цепочка колеи с дохлятиной, дальше дорога. Власов беседовал с командиром армейцев, за его спиной переминались с ноги на ногу земляки. Солдаты рассредоточились, разошлись цепью и лениво поглядывали из-под массивных касок. Командир говорил громко и четко, в подвале было хорошо слышно каждое слово:

- Нет, рекрутов сейчас не набираем. Армия Возрождения проводит операцию на Химзаводе, нам нужно продовольствие.

- И много? – пробубнил Власов. – Продовольствия-то?

Молодежь из Выселок армейцы уводить не собирались – это, конечно, хорошо. Теперь

староста прикидывал, как бы отделаться от пришельцев с меньшими убытками.

- У вашего брата сколько ни потребуй – скажешь, что много, - отрезал армеец. – Мы ожидаем прибытия большой группы, моя задача: подготовить припасы. На Химзаводе будут работать ученые, исследования продлятся достаточно долго, наши специалисты должны получить все необходимое. Рассчитываю на ваше содействие.

- Содействие, это конечно... - промямлил Власов. – Это мы всегда готовы. Мне бы только уточнить, сколько и в какой срок, а так мы всегда готовы.

Военный начал перечислять: мука, мясо, фрукты... Он заранее прикинул, что можно найти в Выселках и требовал по максимуму. Алексу показалось, что он отсюда, из подвала, слышит, как кряхтит и стонет власовская жадность. Староста – мужик прижимистый и бережливый, ему по должности полагается таким быть. Но и армейцев злить ему не хочется. Алекс догрыз яблоко и отшвырнул остатки в заросли паутины. Покосился на замершего рядом подростка. В тусклом свете, льющемся сквозь драную завесу паутины, видна была только черная лохматая макушка и грязная рука с надкушенным яблоком.

- Вот такие дела, - сказал Алекс, - ваших будут грабить не только на законных основаниях, но еще на добровольной основе. Это и есть цивилизация. Разве что чуть-чуть подправленная законами Леса.

- Гляди, там что-то случилось, - вместо ответа заявил собеседник. – Вон как забегали!

И впрямь, на площади между торговыми рядами и кольями с насаженными мутантами что-то произошло. Власов со своими побежал к вдруг засуевившимся землякам, а армейцы развернулись к дороге.

- Мотор, - буркнул подросток. – Кто-то едет.

Тут и Алекс разобрал таракание двигателя. Автотранспорт нынче есть не у каждого, только сильные кланы могут позволить себе подобную роскошь, вот солдаты и насторожились. Алекс видел, что они готовятся к бою. Командир отдавал короткие приказы, сопровождая их энергичными взмахами руки. Бойцы отступили к укрытиям, кто устроился за хилыми молодыми деревцами, кто присел в придорожной канаве, и Алекс видел только, как поблескивает в траве каска.

Командир и еще один боец заняли позицию за расколотыми бетонными плитами, которые валялись в десятке метров от асфальта. Торговцы тем временем поспешно грузили товар на возы, самые шустрые уже отъезжали. Никому не хотелось оказаться на поле боя. Из-за поворота показался обшитый стальными листами то ли грузовик, то ли автобус. Чем это чудовище было раньше, уже не определить, столько железа на него навешали, зато клановая принадлежность сомнений не вызывала – борта выкрашены черным, размалеваны черепами и рогатыми мордами. Бампер украшен клыкастым кабаньим черепом.

- Огонь! – заорал командир армейцев, ударили автоматы, пули заколотили по броне.

Автобус вильнул в сторону, замер поперек асфальтовой полосы, в бойницах показались стволы. Бойцы Черного Рынка открыли ответную стрельбу. Следом за автобусом, немного отставая, катили повозки, эти сразу стали разворачиваться. Дверцы в дальнем, не видимом Алексею, борту бронированной туши открылись – на асфальт стали прыгивать автоматчики. Из подвала отлично было видно, как мелькают в тени под стальными листами ботинки. Еще одна группа бойцов в черных куртках, бросив повозки, спешила присоединиться к схватке. Одного срезали пули, он заорал, свалился и пополз, оставляя широкую влажную полосу на испещренном трещинами асфальте... Но остальные вели такой огонь, что армейцы все реже решались высунуться. Пули выбивали фонтанчики сухой земли вокруг канавы, где засел стрелок, а плиты, ставшие укрытием командиру группы, так и трещали, выплевывая бетонную крошку.

У Черного Рынка был существенный численный перевес. Видимо, это и заставило армейцев отходить. Командир с напарником бросились через дорогу, первый успел добежать к канаве, второго свалили точно на середине дорожного полотна. Цепь бойцов Черного Рынка, расходилась все шире по мере того, как подтягивались все новые и новые. Армейцы, огрызаясь

короткими очередями, по одному перебежали к кустам. Дальше тянулись заросли – не Лес, он по другую сторону двухэтажки, из подвала которой наблюдал Алекс, а просто деревья и кусты, но достаточно густые, чтобы прикрыть отступление.

- Ну, вот и все, - бросил Алекс лохматой макушке, торчащей рядом среди занавесей паутины. – Можно выбираться.

Ответа не последовало – подросток заметил небольшого паука и, сосредоточенно сопя, размазывал тварь по полу башмаком. К Алексу была обращена лохматая макушка с застрявшими в волосах бесцветными паучьими волокнами.

- Я пошел, - снова заявил Алекс. – Нет смысла прятаться.

- Ага, - кивнула макушка, - я за тобой.

Алекс пробрался между завесами паутины и первым выбрался на солнышко. Потянулся и, не дожидаясь спутника, направился вдоль стены.

На рынке из укрытий показались те, кто не успел удрать до начала боя. Теперь люди осторожно поглядывали на новых незваных гостей. Власов шагал к дороге, бронированный автобус медленно сдавал назад, чтобы развернуться, перед ним стояли несколько бойцов в черных крутках. Один азартно орал водителю броневика и жестикулировал, давая советы, как вывернуть, остальные просто озирались.

Десятка два бойцов все еще преследовали отступающих армейцев, в зарослях время от времени раздавались короткие очереди.

Командовал кочевниками крупный лысоватый мужик с длинными вислыми усами. К нему и направился Власов. Алексей тоже пошел послушать, как пойдут переговоры.

- Мы не бандиты какие-нибудь, - вещал усатый, - мы армия нового мира, так что грабить местное население не позволим.

- Это правильно, - кивал Власов, - это мы признаем. Спасибо, что прогнали возрожденцев. А ваш отряд к нам надолго ли?

- Пока не разберемся с армейцами окончательно.

- Они на Химзаводе засели, - покачал головой Власов. – Сюда только разведчики заглядывали, там их больше. На Химзаводе-то. Да еще подкреплений ждут, так их командир сказал.

- С теми, что на Химзаводе, мы разберемся. Хан не позволяет Армии Возрождения в наши края лезть. Ну а от вас я жду содействия.

Власов снова закивал:

- Само собой. Подсобим, чем можем. Припасы, там, продовольствие.

- Это добре, - улыбнулся усатый. – Правильно, что сами предлагаете.

Из зарослей показались его люди – преследование отступающих армейцев закончилось.

- Ну, что? – обернулся к ним атаман.

Один из бойцов развел руками:

- Косого потеряли. Ох, и здоровы армейцы бегать, не догнали мы их, Батька.

- Ничего, на Химзаводе всех прихлопнем разом. Сколько их там, как по-твоему?

Это он уже спрашивал Власова. Староста развел руками:

- Мне-то откуда знать? Жратвы они много требовали, но старшой их сказал: это для тех, что после придут. Сейчас, может, и немного. Я так мыслю, вам бы поскорей с ними разобраться, пока подкрепления не пришли.

- Они группу специалистов ждут, - вставил Алекс, - ученых каких-то, что ли. А с теми, конечно, и охраны будет полно.

- Во, точно! – Власов опять принялся кивать. – Армейцев поскорее брать нужно! Прямо вот теперь, пока их меньше.

Ему было желательно как можно быстрее спровадить отряд Черного Рынка. Самый приятный для старосты расклад – если кочевники с армейцами перебьют друг друга на Химзаводе, и сейчас староста судорожно соображал, как бы половчее избавиться от нахлебников.

Автобус, рыча двигателем и перхая сизыми клубами выхлопа, сдал назад, потом водитель аккуратно развернул тяжелую машину, сзади уже подкатывали повозки чернорыночников. Вокруг Власова и усатого Батьки собралась порядочная толпа – местные тоже подошли послушать, раз уж кочевники ведут себя мирно. Кто-то припомнил, что с Химзаводом сейчас дело нечисто – туда из Леса твари стали бегать.

- Шатуна видели, большущего!

- И волки там шастали!

- А по ночам зарево над Химзаводом! Зеленое такое!

- Точно, что-то происходит!

- Лес там был и снова вернется!

Теперь все гомонили разом, кто-то припомнил, что армейцы говорили о семнадцатом цехе.

Батька нахмурился:

- Точно, семнадцатый! Так и Хан сказал: они будут в семнадцатом чего-то искать. А как там с обороной? Кто знает, а, люди?

- Хорошо там с обороной, - решил вставить Алекс.

- Тебе-то откуда знать? – удивился Власов. – Неужто и туда лазил?

– Мне Швед говорил. Рассказывал, этот цех на отшибе как бы, в сторонке. И ограда там, от остальной заводской территории отделяет. Он туда ходил, но это же Швед! Он может, а я не рискнул.

- Точно! – обрадовался Власов. – Теперь и я вспомнил! Вам Швед нужен. Он хвалился, что знает, как скрытно в семнадцатый пройти. Под землей!

- Что за Швед такой? – заинтересовался Батька. – Под землей, вообще-то стремно... Но если один человек прошел, то значит, можно?

Власов стал торопливо рассказывать – ему хотелось поскорей спровадить кочевников подальше от Выселок, а заодно подсунуть им в проводники Шведа. Не то еще потребуют кого-то из местных, а своих людей Власов берег.

- Швед, он мужик толковый. Ходит один, однако в такие места забирался, куда и отрядом-то не всякий решится. С головой у него не все в порядке, только на деле это не сказывается, дело Швед знает.

- С головой не в порядке? – засомневался один из подручных Батьки. – Псих, что ли? Психа в проводники не надо.

- Он просто странный, - вставил Алекс. – Поэтому живет один, возле Леса.

- Точно, - подхватил Власов и снова зачастил, - вон, Алекс его лучше всех знает. Алекс, ты же сегодня к Шведу собирался заглянуть? Вот и проводи людей, а? Тебе все равно по пути.

Потом он обернулся к Батьке:

- Странный – это не глупый, у него, как бы это сказать, мысли другим путем движутся, однако приходят в конце концов к правильному месту. Мысли-то. Сказочки он рассказывает, и очень обижается, если ему не верят. Только на Химзаводе он бывал, зуб даю. Он оттуда всякое приносил, все видели, только с Химзавода такие штуки могли быть. Алекс, ну, скажи!

- Это не сказочки, - возразил Алекс, - а скандинавская мифология. Он во все это верит по-настоящему. Или очень удачно притворяется. Я думаю, он ученым был, но потерял память. Как его зовут... то есть, как раньше звали, не помнит. Прозвали Шведом, потому что он легенды и саги пересказывал. Я по книжкам проверял – точно, почти наизусть шпарит.

- Да это ерунда, что рассказывает! – встрял Власов. – Главное, он говорил, что под Химзаводом старые ходы есть, ну, не только канализация всякая, но и большие помещения...

- В советские времена так полагалось, - кивнул чернорыночник постарше, с изрытым морщинами лицом. – Любой серьезный объект оборудовали бомбоубежищем и системой защищенных коммуникаций. А такие, как завод имени Ленина, в первую очередь!

Морщинистый мечтательно закатил глаза.

- Вот тогда порядок был...

- Добре, Миронов, - обернулся к нему Батька. – Раз ты в курсе дела, ты и группу поведешь с этим Шведом. Сперва разведку дождемся, потом решу окончательно. Только ты готовься, подумай, кого с собой возьмешь.

Мечтательность Миронова мигом улетучилась, но возражать Батьке он не стал. Только спросил, сколько народу присмотреть для этой вылазки.

- Вот разведчики вернутся, тогда скажу. Но, думаю, десятка хватит. Даже многовато для скрытного похода. Шесть – в самый раз. А я пока пройдуся, погляжу, есть ли здесь еще что интересное, кроме пауков на палках.

Взгляд Батьки скользнул по цепочке кольев, потом сместился к Алексу:

- И вот ты, человек, не исчезай. Раз староста на тебя показал, ты и сведешь моих людей к этому Шведу.

Алекс и так собирался сегодня навестить старого приятеля, но для порядка, чтобы не выглядеть слишком покладистым, заявил, что он не местный и Власову не подчиняется. Пусть староста своим приказывает.

- Леха-а-а, - умоляюще протянул Власов. – Я ж не приказываю, а прошу. По-дружески.

- Патронов к «макарову» подкинешь? По-дружески?

- Две обоймы!

Батька их препирательств уже не слушал, он и так был уверен, что проводником к дому Шведа староста обеспечит. Предводитель кочевников зашагал вдоль опустевших торговых рядов по старой дороге к Выселкам, на ходу растирая поясницу – засиделся, видно, в своем бронированном транспорте. В Выселках интересного было немного, просто раскинувшиеся по лугам подворья, обнесенные заборами. Над каждым домом – вышка ветряка, между подворьями протянуты кабели. Власов здесь местную электросеть наладил, всех хозяев обязал поставить ветряк. Кабели, генераторы, подшипники для ветряков в свое время приволок Алекс из своих странствий по руинам.

А так – обычное поселение бродяг. В общем, ничего более интересного, чем пауки на кольях, здесь не найти.

Алекс поглядел вслед Батьке, затем оглянулся на бойцов Черного Рынка, которые сбились в кучу у броневика и уже над чем-то ржали. Трое их приятелей копали у обочины длинную яму, еще четверо волокли туда застреленного в стычке армейца – уже раздетого. Веселью это не мешало. Пока Алекс оглядывался, староста бочком придвигался к нему. Оказавшись рядом, зашептал, косясь на прогуливающегося по дороге Батьку

- Слышь, Леха, ты уведи их отсюда, а? И Шведу объясни, что лучше бы этим в Выселки не возвращаться. За мной не заржавеет, я отблагодарю.

- Ты чего, Власов? Как это я их уведу, чтобы не возвращались... И потом, армейцы подкреплений ждут. Не эти, так Армия Возрождения здесь надолго сядет.

- Тоже правильно. Но ты, главное, Шведа уговори, чтобы он под землей отряд провел на Химзавод. Там, на Химзаводе, что-то странное творится сейчас, люди верно говорят: туда в последние дни зверье из Леса тянется. Вот пусть их там Лес возьмет, пусть они там друг друга поубивают, лишь бы у нас в Выселках не торчали. Пусть бьются за свой цех, от нас подальше. Если Швед откажется, то затянется дело, тогда и Армия, и Рынок, Лес их обоих заберут, начнут сюда отряды слать, войну в округе затеют, тогда и Выселкам нашим достанется. Пусть лучше на Химзаводе сшибаются, не здесь. Сделаешь?

- Что смогу, сделаю. Патроны когда мне дашь обещанные?

- Уже послал мальчика за ними, сейчас принесет.

На дороге застрекотал мотор. Бойцы у автобуса зашевелились. Беспокойства они не выказывали – похоже, этот звук был им знаком. Алекс увидел, что Батька – по-прежнему неторопливо, заложив большие руки за спину – вышагивает обратно.

- Это еще что? – буркнул Власов. – Опять кого-то несет нелегкая? Что за день такой сегодня? И те явились, и эти... Только из Края никого нет. Может, и они привалют? Для полного комплекта гадостей?

Но это был всего лишь еще один кочевник. Он подкатил на мопеде, выкрашенном, естественно, в черный цвет. Едва заглушив надсадно чихающий мотор, байкер принялся звать Батьку. Тот, проходя мимо, махнул Алексу рукой – мол, идем со мной.

Вновь прибывший, с головы до ног покрытый пылью, сдвинул на лоб очки – теперь его глаза были окружены светлыми кругами, которые четко выделялись на заляпанном грязью лице.

- Батька! – заорал он еще издали. – Мы у Химзавода на армейцев наткнулись! Стрельба была!

Один из рыночных ткнул его в бок и показал шлем застреленного бойца Армии Возрождения:

- Не ори, здесь тоже они крутились. Петруху подстрелили.

- Говори по делу, - потребовал Батька, подходя к толпе.

Байкер сглотнул и заговорил медленнее, без напора. Алексу показалось, что парню хотелось орать и размахивать руками, описывая схватку у Химзавода, но, глядя в холодные глаза Батьки, он заставил себя говорить медленно и четко. Из его рассказа могло показаться, что у Химзавода была великая битва, в которой отважные кочевники круто схватились с армейцами... но Алекс не сомневался, что там повторилось примерно то же, что и здесь, на дороге, только перевес был на стороне Армии Возрождения. То есть дозор Черного Рынка сбежал, чтобы не окружили. Батька, наверное, пришел к тому же выводу, потому что, не дослушав, спросил, что представляет собой семнадцатый цех.

- Хорошая домина, - подумав с полминуты, ответил байкер. Забором окружена. Забор-то плевый, метра два, не больше. Но из окон хорошо простреливается. Когда будем перелезать – все как на ладони окажемся. К воротам вела дорога, но по Химзаводу Лес основательно оттоптался, отовсюду корни повылезли, дорогу местами разворотило. Таратайка к воротам напрямиком не подойдет, придется петлять по ухабам.

- Сколько армейцев насчитали?

- Десятка три точно.

Батька кивнул и задумался. Алекс представлял, о чем рассуждает командир: штурм будет непростой. «Таратайка» - это, конечно, бронированный автобус. А он к цеху напрямую не пройдет.

Бойцы собрались вокруг и ждали, что скажет Батька. Тот потерял длинные вислые усы и изрек:

- Ну, теперь, значит, дуй к Хану. Обскажешь ему, что с Химзаводом. Вот как мне сказал, так и ему, слово в слово. Скажешь, Батька цех у Армии отберет, но к возрожденцам идет большая группа с учеными какими-то. Я их дожидаться не буду. Соберу трофеи и уйду. Или пусть подкрепления шлет. Понял?

Затем командир взглядом отыскал среди бойцов Миронова:

- Теперь ты. Подумал, кого берешь?

И тут же, без паузы – снова байкеру:

- Ты чего еще здесь? Что-то не ясно?

Боец, бормоча, что понял-понял, выкатил свой мопед из толпы, и тут же затарахтел мотор. Алекс удивился: а ведь Батьку боятся! Вроде, говорит тихо, смотрит невыразительно, однако стоит ему сказать – и любой сорвется с места, помчится исполнять приказ. Вот этот, посыльный, наверняка рассчитывал передохнуть после боя и гонки по бездорожью. В это время Батька все тем же невыразительным голосом глухо бормотал:

- Тебе, Миронов, задача такая. Сейчас двигай с этим малым, - кивок в сторону Алексея, - к человеку по прозвищу Швед. С ним сговоришься, чтобы провел под землей в цех. Нынче ночью выдвигаетесь, к завтрашнему полудню должны быть на месте. Мы тем временем начнем шевелиться. Будем изображать штурм цеха. Армейцы на нас включатся, тут вы по ним с тылу ударите. Мы услышим перестрелку в здании, тоже врежем всей силой. И главное, растолкуй своим – ничего не брать. Там, в семнадцатом цехе, есть что-то такое, что армейцам позарез нужно. Значит, и Хану это нужно. Если ненароком повредите, Хан спросит. Понял? Армейцев

бить, но аккуратно. Больше ничего не ломать, не хватать, а лучше всего – даже не замечать. Тебе же после спокойней спать будет. Я сам все осмотрю и что Хану нужно, лично сам же отберу. Ясно? Вот и давай, шагай к Шведу.

- Шведа сейчас дома нет, - рискнул вставить Алекс. – К вечеру должен появиться.

- Ничего, ничего, мы его на месте подождем, - вдруг засуетился Миронов. – Я понял, Батя, все исполним в точности.

И тут же принялся выкликать имена и клички шестерых, которых наметил для этого задания. Тут как раз подвалил Власов с обещанными обоями и, вручая их, поглядел так выразительно, что Алекс не мог не улыбнуться. На несчастного старосту сегодня свалилось слишком много забот – жили Выселки спокойно, никому не были нужны, а тут на тебе! И Армия Возрождения, и Черный Рынок, да еще какая-то тайна на Химзаводе. Но чем мог помочь простой бродяга? Алекс только развел руками:

- Я не забыл, Власов, не забыл. Что смогу, то и...

Закончить фразу ему не дал Миронов:

- Хорош трепаться, парень. Слышал приказ? Батя не любит, чтоб с его приказами тянули.

Алекс кивком пригласил кочевников шагать за ним и повел в обход двухэтажки. Миронов поначалу нервно оглядывался – как там командир? Не глядит ли вслед? И только когда отряд обогнул старое задние, и показались руины поселка с темнеющей за ними полосой Леса, забеспокоился:

- Ты куда нас повел? Там же Лес!

- Сейчас свернем, - успокоил его Алекс, - пройдем вдоль кромки. Я сперва хочу, чтобы между тобой и Батей был этот дом. А то ты только назад и глядишь. Так шагать несподручно. Боишься его?

- Батя правильный командир, - строго сказал Миронов, и скривился, так что морщины на его физиономии проступили резче, - его приказы выполнять нужно беспрекословно.

- Точно, - поддакнул шагавший за ним здоровяк, за плечом которого висел ПКТ с прилаженными самодельными сошками. Еще он тащил несколько цинков, но на таком верзиле они смотрелись не более громоздко, чем кобура на боку самого Алекса. – Батя – он такой...

Этого мужика приятели звали Бугаем, прозвище было подходящее. Кроме него, в шестерку Миронова входили двое похожих друг на друга рыжих веснушчатых парня, седой старик и еще один кочевник, в кожаной безрукавке, с обнаженными руками, сплошь покрытыми татуировками. Этот все время молчал, но Алексу он сразу не приглянулся, неприятный тип, от него словно исходила устойчивая аура злобы. Он напялил каску убитого армейца, но все равно больше походил на головореза-отморозка, чем на бойца сильного клана. Прозвище старика было Ржавый, он как раз Алексу скорее понравился – спокойный такой, рассудительный. Рыжие молодцы были братьями, звали их Семка и Пашка, но Алекс сразу же перепутал, который из них кто. И все кочевники, как один, косились на темную полосу Леса за руинами. Алекс не стал их дразнить и свернул сразу за двухэтажкой, чтобы пройти по остаткам улицы. Справа и слева громоздились груды хлама, когда-то бывшие домами, а улица превратилась в полосу земли, заросшую по пояс сорной травой.

Чтобы не терять времени, он сразу начал объяснять Миронову, с кем придется иметь дело:

- Шведа лучше не задирайте, он человек сложный. Если упрется, я его не смогу убедить.

- Мы убедим, - буркнул кочевник в армейской каске. Голос у него был злой, под стать облику.

- Вот этого я как раз и опасуюсь, - кивнул Алекс. – Не нужно его злить. Швед будет разные странные вещи говорить, вам может показаться смешным, но на самом деле в его словах большой смысл. Просто пропускайте мимо ушей, и все. И не спорьте, это в ваших интересах.

- Слышал, Жила? – строго сказал Миронов. – Не зли проводника. А то знаю я тебя! Мне проводник нужен, пусть он смешные вещи говорит.

- Ладно, - буркнул татуированный Жила. – Пусть на Химзавод доведет, до тех пор смолчу. На Химзаводе отсмеюсь.

- И еще, - продолжил Алекс. – Мы слишком рано придем, Шведа на месте не будет. Раз вам было невтерпез, я сведу к его дому, а там придется ждать. Так вот, в хату не суйтесь. Шведа уже не раз пытались обокрасть, он дома редко бывает, ну и кое-кому, видно, пришло в голову, что если хозяина нет, то можно поживиться. Не вышло.

- Что так? – поинтересовался Пашка. А может, Семка.

- Он ловушки оставляет, уходя. Говорю же, он будет говорить странно, но сам человек очень основательный. На моей памяти раз пять или шесть к нему пытались влезть. Один раз я сам Шведу помогал мертвецов вытаскивать. В общем, делайте, как я скажу, Шведа не злите, а я постараюсь его уговорить.

Жила сплюнул – и это тоже вышло у него нарочито злобно. Миронов глянул на бойца, и тот смолчал. Но Алекс уже решил, что обязательно предупредит Шведа насчет этого молодчика. От таких всегда можно ждать какой-то подлянки.

Они миновали развалины, но заросли по-прежнему маячили темной громадой по левую руку. Миронов спросил:

- Почему мимо Леса идем? Это и есть дорога к Шведу?

- Это и есть, - кивнул Алекс. – Швед у самой опушки устроился. Он общество не любит, всегда один. Возле Леса его меньше тревожат.

- А ты у него вроде в друзьях? – спросил Семка. А может, Пашка.

- Не сказал бы, что в друзьях. Я ему книги таскаю, - Алекс похлопал свой рюкзак, острые углы обложек выпирали под брезентом, - иногда обсуждаем это дело. С кем еще о книгах поговоришь?

- Ну, так ты тоже странный, - заметил второй рыжий. То ли Пашка, то ли Семка.

- И я странный, - не стал спорить Алекс.

И память тут же услужливо подсунула картинку из давнего прошлого – их, интернатских пацанов, привели на экскурсию в большую библиотеку. Там, в подземном архиве Алексей впервые увидел столько книг разом. От свеженьких, в ярких обложках, до старинных, в потемневших переплетах с металлическими застежками. Куда ни глянь – повсюду были книги, книги, книги. Каждая книга – целый мир, миры зовут, манят... и маленького Алексея позвало. На всю жизнь он теперь странный. Одноклассники пошли учиться на менеджеров и слесарей, шесть человек сели в первый же год после выпускного, такая вот была у них компания. А Алексей поступил в университет. Хотел стать архивариусом. Станный он человек, это точно.

«Библиотекарь» – не звучит. Это слово не передает ощущений, которые Алекс испытал в детстве при виде книжного царства. Совсем иное дело: архивариус. Отучился один семестр, потом началась Пандемия.

- Я странный, - повторил он. - Поэтому кроме меня вряд ли кто уговорит Шведа. Поймите, я себе цену не набиваю, мне Власов уже заплатил. Я ж вам помочь хочу.

Он уже прикинул: если заваруха на Химзаводе затянется, то и Выселки в покое не оставят. Обе стороны захотят сделать поселок своей тыловой базой, будут бои и здесь. Единственный способ помочь Власову уберечь земляков – это сделать так, чтобы кочевники захватили цех и вывезли все, что найдется интересного, к Хану. Потому что если военные дождутся своих ученых и начнут копать всерьез – то это надолго.

Из задумчивости его вывел раздраженный голос Жилы:

- Ты так и собираешься нас вдоль Леса вести?

- Это короткий путь. Тут всего-то полчаса, не больше.

- Полчаса? Сворачивай, нафиг! Лучше крюк сделаем, но только подальше от... этого.

Алекс не стал спорить. В конце концов, они все равно придут слишком рано, Шведа на месте не будет. Одна из странностей этого человека – его пунктуальность. Если сказал, что будет дома к заходу, значит, появится не раньше. Поэтому Алекс послушно свернул и повел шестерку Миронова в обход. Раз уж Лес пугает их почти так же сильно, как Батка... Но в конце

концов свернуть к зарослям все же пришлось.

Дом Шведа стоял у самой опушки, мощное строение с односкатной крышей из бетонных плит. Небольшие окна прикрыты решетками из толстых прутьев, тронутыми ржавчиной, но достаточно прочными. Дверь – обита стальным листом и сидит плотно.

Когда-то дом был частью какого-то комплекса, поскольку совсем рядом остатки кирпичных стен тянулись к зарослям кустарника и терялись в них там, где когда-то остановился Лес. Прежнее назначение этих стен для Алекса было загадкой, как и причина, по которой Лес прекратил расширяться и замер у этой границы. Есть тайны, которые, скорей всего, никогда не будут раскрыты... Остается жить рядом с ними и стараться не задумываться. Швед так и поступил, обосновавшись у границы тайны.

- Окно-то открыто, - заметил Жила. – А ты говорил, его дома не будет.

- А что окно? В такое не влезешь, - буркнул Ржавый. – Решетка-то на месте! Нет, человеку в такое не проскользнуть.

- Я постучу, - подвел итог Алекс.

Он подошел к двери и аккуратно ударил в нее костяшками пальцев. Звонкий стук отчетливо прозвучал в тишине. Внутри что-то тихонько прошуршало, но ответа не было. Алекс стукнул еще, погромче.

- Швед, это я, Алекс! К тебе люди из Черного Рынка! – он прислушался к новому шороху за дверью и добавил. - Они по делу, это важно!

- Сейчас я, - неохотно буркнули внутри. Высокий чуть хриловатый голос никак не мог принадлежать хозяину.

Протяжно лязгнул засов, дверь чуть приоткрылась, и в щель выглянула девчонка. Тощая, коротко стриженная, невысокая – ее лохматая макушка оказалась вровень с носом Алекса, с узким лицом и большими черными глазами.

- Папки дома нет, - сообщила она, - после приходите.

Ни о какой дочке Швед не рассказывал. Сколько Алекс помнил, он всегда жил один, и много раз жаловался, что не помнит ничего из прошлого. Причем особенно Шведа беспокоило, что у него когда-то могла быть семья, а теперь и не узнать об этом никак. Все это было очень и очень интересно... и, кстати, голос «дочки» показался Алексу знакомым.

- Эти из Черного Рынка, - Алекс посторонился и кивком указал гостей, топтавшихся за его спиной. – Они все равно не уйдут. Им Швед нужен.

- Ну ладно, - все так же неохотно протянула девушка, - входите, что ли. Только осторожно, я сама недавно вернулась, ловушки прибрать не успела. Вот здесь леска натянута, переступайте аккуратно. На эту доску не вставать. А здесь пригибайтесь.

Гости по одному протискивались мимо нее, озираясь и неуверенно ступая, куда она показывала.

- Еще ниже! – прикрикнула она на Пашку. Или это был Семка? – Не переломишься! Проходите вот сюда, садитесь, и ничего не трогайте. Я вам пока яблок принесу.

Жила, протискиваясь мимо хозяйки, попытался прижаться к ней, но наткнулся на выставленный острый локоть и споткнулся.

- Не лезь, - каркнула девчонка.

- А то что? – Жила скроил на своей хищной роже улыбочку. – Папке пожалуешься?

- Зачем? Я сама. Вот сейчас тебя подтолкну, ты прямиком в капкан и шагнешь. Вон он, тряпкой прикрыт.

Неласковая хозяйка легонько пнула Жилу в лодыжку, и тот, слегка подпрыгнув от неожиданности, торопливо шмыгнул в комнату.

Алекс заметил: чем дальше, тем уверенней хозяйка распоряжается. То есть постепенно входит в роль, проникается уверенностью, что ее обман не раскроют. Он прошел за ней на кухню и окинул взглядом с головы до ног. На девчонке было новое платье, длинное не по росту, с подвернутыми рукавами и мешковато сидящее на ее тощей фигурке. Ну точно, только недавно стащила и не успела пригнать. А вот ботинки – старые, растоптанные и грязные. Пока он

разглядывал, девчонка высыпала в миску грудю яблок из старого рюкзака. И тут Алекс заметил в ее растрепанной шевелюре несколько прилипших бесцветных волокон. Сразу все встало на место – и чужое платье, и яблоки, и паутина в волосах.

Алекс на всякий случай положил руку на рукоять «макарова» и осторожно сказал:

- Слушай, Швед в самом деле вот-вот появится. Если ты ничего не успела взять, то вали по-хорошему, а? Я никому говорить не буду.

Девчонка как раз обернулась к нему с миской яблок – ее руки были заняты, так что припрятанное оружие быстро достать не успеет.

Она задумчиво глянула Алексу в глаза и, похоже, собралась возразить... потом передумала и буркнула:

- А как ты догадался?

- Я же с тобой в подвале сидел! На базаре о воровке кричали. У тебя платье новое, не по росту, и яблоки.

- В подвале? Со мной?

- И с пауками.

- А, точно.

Девчонка прикусила губу, еще раз задумчиво смерила Алекса взглядом и кивнула.

- Ничего не взяла, честно. Еще и яблоки свои вывалила. Ну?

- Тогда вали, только тем же путем, каким пришла. Мне интересно, как ты это сделаешь. Шведа еще никто не мог обокрасть. До сих пор осечек не было.

- А к любому, если решила, влезу, - с вызовом ответила девчонка. – И тоже осечек не было. Ну, смотри.

Она решительно потянула широкое платье через голову. Алекс сперва отступил, но смущаться ему не пришлось – под платьем оказались брюки и куртка, помятые и замызганные, под стать башмакам. Воровка сунула смятую одежду Алексу и стала втискиваться в окно между прутьями решетки, сквозь которую, как читал Ржавый, не пролезть никому. Не без труда втиснула голову, извернулась боком и неожиданно легко выбралась наружу. Только пряжка ремня звякнула о ржавый прут. Алекс протянул ей платье и рюкзачок, в котором она принесла яблоки. Пару яблок тоже сунул сквозь решетку.

- Ну, ты даешь, - только и смог он выдать из себя. Потом запоздало добавил. – Меня Алексеем звать.

- А я Яна, - прошелестело в ответ. – Ну, бывай! Может, когда еще встретимся.

Она легкой тенью скользнула вдоль стены, а Алекс только теперь заметил причину ее спешки – через луг размашисто шагал Швед. Пока что он был далеко, и заходящее солнце обрисовало его коренастую фигуру розовым контуром.

Алекс отнес яблоки людям Миронова и вернулся к кухонному окну. Яны след простыл, а Швед стоял перед домом, разглядывал открытое окно и хмуро разглаживал бороду. Вторая рука лежала на автомате. У пояса болтались кроличьи тушки, ветер шевелил серую шерсть.

- Швед! – крикнул Алекс. – Не беспокойся! Это я! Мы... В общем, у тебя гости, так получилось! Но все нормально! Я объясню! Войдешь?

Швед немного подумал и кивнул. Объясняться пришлось в прихожей, чтобы не слышали чернорыночники. Алекс торопливо рассказал, что в дом пролезла воровка, но приход гостей ее спугнул, она сбежала, не успев ничего стащить. А вот у Миронова и его бойцов к Шведу дело, и очень серьезное.

- Не стащила? - Швед огляделся. – Я проверю. Нехорошо вышло.

И потопал к прищельцам в горницу.

- Она твоей дочкой назвалась, - бросил ему в спину Алекс. – Эти ничего не заподозрили, и ты не шуми. Ты ж не хочешь, чтобы пошли разговоры, будто к тебе залезть можно?

Швед не стал отвечать, вошел в горницу и оглядел гостей.

- Дело ко мне, значит? Ну ладно, сначала поесть надо. Раз пришли, то, выходит, гости. Алекс, идем со мной, поможешь кролей разделать.

- А где эта?..- начал было Жила, но Швед уже утопал на кухню.

Пока готовили мясо, Алекс изложил дело, заодно пересказал просьбы Власова. Швед ничего не отвечал, но Алекс знал, что тот всегда подолгу обдумывает серьезные вопросы. То ли потеря памяти его сделала неторопливым в решениях, то ли он всегда таким был.

Потом, когда сели за ужин, и Миронов начал говорить о задании, Швед остановил его:

- Погоди. Поедим, тогда отвечу.

Вроде бы во внешности Шведа не было ничего особенного, обычный мужик, разве что старые шрамы необычной круглой формы на висках. В остальном – бродяга, каких немало. Однако Алекс привык, что когда Швед говорит, с ним всегда соглашаются. Было что-то такое в его манере, уверенное. Вот и сейчас бойцы ели, пили и терпеливо дожидались, пока хозяин заговорит.

Болтал за столом больше всех Жила, особенно когда распробовал шведов самогон. Его разглагольствования в основном сводились к тому, что надо потом в Выселки снова наведаться, раз там такое пойло гонят. Но Миронов строго глянул на него, и развязный кочевник тоже притих.

Наконец, когда с едой было покончено, заговорил Швед:

- На Химзавод я ходил, это правда. Семнадцатый цех видел. Знаю, как туда пройти под землей, это тоже правда. А только сейчас туда соваться стало опасно.

- Чего там опасно! – тут же взвился Жила, который от выпивки стал еще нахальнее, чем раньше. – Да мы этих армейцев! Вмиг!

- Плевать на армейцев, - спокойно произнес Швед. – Там дело серьезное.

И Жила притих. Швед с минуту внимательно глядел на него, потом продолжил.

- С тех пор, как я последний раз на Химзаводе бывал, кое-что переменялось. Лес язык вытянул, теперь прежней дорогой хода нет.

- Так под землей же...- протянул Семка. Или Пашка.

- А хоть бы и под землей. Лес, он везде. Новый язык Леса протянулся над коллектором, по которому я лазил, теперь опасно стало. Если на поверхности Лес, то и внизу все могло измениться. Слишком опасно. Не пойду...

Швед сунул в рот кусок мяса, задумчиво пожевал и закончил:

- ...Без серьезной причины.

- Причины? – вскинулся Жила. – Да мы!..

- Хан приказал, - прогудел Бугай.

Этот здоровяк, пока ужинали, не проронил ни слова, его рот был занят другим. Бугай смолотил едва ли не столько же, сколько вся остальная компания и вот теперь наконец подал голос.

- Хан приказал, - повторил Миронов. – Ты понимаешь, что это значит? Хан приказал! Мы – кочевники, мы – новая Орда, мы пройдем по этому миру, подчиняя его себе, и сметая с пути все, что помешает. Мы – власть, мы – сила. И Хан - выше всех! Его слово – закон!

Алекс с удивлением глядел, как меняется на глазах человек – Миронов говорил внятно, четко, голос звенел, на изрытых морщинами щеках зажглись багровые пятна. А его люди притихли.

- Хан сказал, и сегодня мы вынесем армейцев с Химзавода, завтра – пройдем по их базам, послезавтра мы растопчем Край, подомнем бродяг, вся земля будет наша! Вот что такое слово Хана! Других причин не должно быть!

- А теперь меня послушай, - перебил его Швед, совершенно не впечатленный порывом Миронова. – Вас Леха предупредил, что я с прибабахом?

- Я сказал, что ты странный, - вставил Алекс, но на него никто не обратил внимания.

- А теперь послушайте, почему он обо мне это сказал, - продолжал Швед. – Я такой человек, какие в старину жили. Я все помню, что вы забыли. В давние времена люди знали правду. Норманны прошли по всей земле и, как ты говоришь, сметали с пути и так далее. От Африки до Британии все им принадлежало. Почему? Они были сильными людьми и заботились

о том, как правильно умереть. А правильно – это значит, в бою. Потому что они знали об этом мире побольше других. Они знали правду, и у них получилось. А вы не знаете.

- Чего это мы не знаем? – буркнул Жила.

- Наш мир на смерти построен. Боги, Один и его братья, убили великана Имира, первое живое существо на свете. Земли поначалу не было, и морей не было. Вообще ничего не было, кроме Имира. И вот из тела Имира боги создали землю, кровь Имира стала океаном, череп Имира - небесный свод, из его костей боги сделали горы, из волос - деревья, из зубов – камни. Наш мир – это мертвый великан. Сейчас время богов прошло, Имир возрождается и собирает себя по частям. Землетрясения, наводнения, эпидемии – это его пробуждение. Когда Имир восстанет, опять не будет ничего. И вас с вашей новой Ордой не будет, и Хана не будет. Ничего. Все пропадут, и я тоже. Нам остается только одно: правильно помереть. Пойду с вами на Химзавод - и очень вероятно, что подохну. Правильная ли это смерть? Нет, не правильная, зряшная, в чужой разборке пулю словить или в аномалию влезть. Зачем мне вести вас на Химзавод? Подумай и скажи.

- А если мы тебя... - начал приподниматься Жила.

- А если я вас? – ровным голосом ответил Швед.

Миронов положил Жиле руку на плечо и усадил. Его внезапный порыв уже миновал.

- Ладно, хорош загадки загадывать, - обернулся он к Шведу. - Скажи сам, чего ты хочешь?

- Во-первых, пулемет. Вон тот, большой, с пулеметом пришел, я его хочу получить. И цинки, все, что есть.

- Э, это мой, - протянул Бугай, оглядываясь на командира, - Миронов, скажи ему.

- Получишь пулемет, когда на Химзаводе закончим, - отрезал Миронов.

- Патроны?

- Получишь.

- И, во-вторых, чтобы Леха с нами пошел.

Алекс от неожиданности чуть не подпрыгнул:

- Э, а я здесь каким боком?

- При мне будешь, покажешь, что умеешь. Давно хотел на тебя в деле поглядеть, - спокойно ответил Швед. – А тут как раз и компания подходящая. Под охраной пойдём. А сейчас помоги-ка посуду собрать.

Когда они с горой мисок ушли на кухню, Алекс с укоризной заявил Шведу:

- Я тебе «Круг земной» принес! И «Сагу о Сверрире»! А ты меня в эту историю втравил!

- В историю? Ты сам меня втравил. Ты ж этих сюда привел? Орду эту самую?

- О тебе Власов ляпнул. Если бы не я, то кто другой им дорогу показал бы.

- Если другой, я отказал бы. Но раз ты их привел, то разговор иной. Цени, Леха: тебе не отказываю.

Алекс вздохнул. В чем-то Швед был прав – сам же чернорыночников привел...

- Не дрейфь, пока до Химзавода не дойдем, опасаться нечего, - ободрил Швед, - эти ребятки нас бережь будут.

- А потом?

- Увидишь.

- И как ты, интересно, заставишь этого здоровяка с пулеметом расстаться?

- Увидишь. Ну ладно, ладно, не гляди на меня так. Не нужен мне пулемет, просто у них ничего ценного больше на виду не было. А я хочу на Химзавод наведаться, мне там в прошлый раз кое-что интересное на глаза попало, но сразу не разобрался. Думал, в другой раз там еще покручусь, рассмотрю как следует. Но потом Лес надвинулся, один я бы не рискнул туда возвращаться. А тут удачный случай, целым войском нас сопровождают. Просто мне нельзя было легко соглашаться, они бы что-то заподозрили. Ну и напарник надежный не помешает, чтобы за моей спиной приглядывал. Ты как раз подходишь. И потом, тебе тоже будет интересно покопаться там, куда я хочу влезть.

Алекс подумал и сказал:

- Зря ты им про Имира.

- Ничего. Пусть считают, что я тронутый.

В путь вышли до рассвета. Батя велел быть на месте к полудню, а на дороге, по словам Шведа, раньше требовалось часа четыре. Теперь же, когда Лес вытянул свое щупальце над подземным коллектором, переход мог потребовать и вдвое больше времени. Кто знает, что там, под землей? Под Лесом...

Правда, пришлось едва ли не полчаса ждать снаружи, пока Швед копошился в доме, налаживал ловушки. Он выпросил у Алекса, каким путем проникла в здание «дочка», и теперь особое внимание уделил решеткам. Бойцы Миронова, зевая, топтались перед дверью, пока внутри хозяин приводил в порядок хозяйство. Бугай нервно прижимал к себе ПКТ и вздыхал.

- А дочка-то этого хмыря где? – вспомнил Жила. – Она ж вроде дома должна остаться? Хотя вчера ее что-то не видать было...

Алекс, к которому был обращен вопрос, просто пожал плечами. Объясняться не хотелось – хватит и того, что перед Шведом пришлось распинаться, почему отпустил воровку. А Лес ее знает, почему... Воров и мародеров Алекс, как и все другие честные бродяги, терпеть не мог, а вот к Яне почему-то доброе чувство возникло, как будто невесть сколько уже друг друга знают. И потом, она же ничего у Шведа не сперла, он проверял. Даже свои яблоки оставила, «честно» украденные на рынке.

Наконец на пороге появился Швед – в походном снаряжении он напоминал сказочного гнома, коренастый, плечистый. Тяжелые ботинки, плотная куртка, которая добавляла объема его и без того мощной груди, и густая борода тоже вписывались в общую картину.

- Значит, так - заговорил Швед. – Меня слушать беспрекословно. Скажу лечь – значит, все падают и лежат. Скажу прыгать – все прыгают. В опасных местах вот этот, в каске, первым пойдет, и не спорить.

- Э, а чего я? – вскинулся Жила.

- Потому что тебя для этого и взяли. В любом правильном отряде должен быть дурень, которого пускают первым, потому что его не жалко. Слышь, Миронов, я правильно говорю? Молчишь? Значит, правильно. А ты, с пулеметом, позади пойдешь. Когда под землю спустимся, там тесно будет, ты один только и сможешь назад глянуть, так башкой верти, смотри и слушай. За спиной всегда опасность больше, чем впереди. Ну, пойдём, что ли?

Швед сразу взял приличный темп, остальным пришлось подстроиться под его размашистую походку. Поначалу все косились на непривычно близкую стену Леса, но Швед вел немного в сторону, и грозная темная громада отползала все дальше и дальше. Перед рассветом окрестности затянула дымка, и Лес казался единой темной массой, которая дышит опасностью.

- По-моему, Химзавод в стороне, - нагнав Шведа, заметил Миронов. - Почему иначе идем?

- Впереди холм будет. Осмотримся, оттуда обзор хороший.

Вскоре начался подъем, впереди над туманом проступила поросшая приземистым кустарником верхушка холма. Достигнув ее, Швед остановился. Бойцы стали оглядываться.

- Это Химзавод? - спросил то ли Семка, то ли Пашка, глядя на проступающие из тумана длинные крыши зданий.

- Он самый, - кивнул Швед. Только нам на другую сторону, семнадцатый цех отсюда не виден. И главное, вон куда смотри.

Он указал на длинную темную полосу между холмом и Химзаводом, это был тот самый «язык», протянутый Лесом от основного массива. Почему Лес то разрастается, то останавливает продвижение? Кто его знает... Алекс слышал разные гипотезы. Пробуждение великана Имира – тоже объяснение, не хуже и не лучше любого другого.

Когда все насмотрелись и прониклись сложностью задачи, Швед повел отряд вниз по склону.

- Слышишь, Швед? – спросил Алекс, нагоняя проводника. – Если Лес – это волосы

Имира, то, получается, он был очень волосатым. Прямо обезьяна.

Эти слова оказали на Шведа неожиданное действие, он вздрогнул, резко побледнел и - прижал ладони к вискам, к странным розовым шрамам.

- Обезьяны... - повторил он запинаящимся голосом. – Да, они волнуются, скачут в клетках, трясут их, они орут. Воняют и орут...

- Ты чего? – понизив голос, спросил Алекс. – Что с тобой?

Швед уже опомнился и оглянулся – не заметил ли кто из бойцов Черного Рынка этот приступ. Те пялились поверх голов Алекса и Шведа – напоследок присматривались, где торчат из тумана крыши Химзавода.

- Ничего, - уже спокойно ответил Швед. – Иногда мне кажется, будто я что-то помню. Обезьяны... были обезьяны. Но что с ними такое? Почему они орали?

- Не понимаю, зачем историку обезьяны? Ты ведь историком был, верно?

Швед только пожал широкими плечами и прибавил шагу, теперь он снова сменил направление, и группа приближалась к кромке Леса. Короткий переход – и Швед остановился у заброшенного сооружения, сплошь увитого ползучими побегами. До Леса отсюда было метров двести, но растительности хватало и здесь, стебли переплелись и скрыли бетонные стены, так что сложно было сказать, что за здание скрывается под листьями.

Проводник вытащил здоровенный тесак и обрубил несколько толстых веток. Семка с Пашкой по его приказу раздвинули сеть вьющихся стеблей – открылся пролом. Толщина бетона была не меньше полуметра, но что-то разворотило его так, что даже Бугаю не трудно было протиснуться внутрь. Швед пролез первым и включил фонарик.

- Давайте за мной, - крикнул он, - вход в подземелье здесь.

Неведомая сила, проломившая стену, и внутри поработала основательно – когда Швед повел фонариком вокруг, в луч света попадали разнокалиберные обломки и горы щебня. Стены и перекрытия были изломаны, обрушены и местами выглядели так, будто куски бетона побывали под прессом. Спуск в подвал оказался частично перекрыт косо поваленной плитой. Швед присел, осветил фонарем лестницу, уводящую в черную глубину. Где-то поблизости мерно капала вода, среди щебня с хрустом и скрежетом переползали здоровенные слизни, что-то шелестело в темноте.

- Ну вот, это самое место, - объявил Швед. – Вход!

- И ты что, скажешь мне первым идти? – сердито ощерился Жила.

Швед ответил ему спокойным взглядом.

- Нет, конечно. Я же сказал: ты пойдешь первым, если какая-то опасность встретится. А здесь все мирно.

И, согнувшись, стал протискиваться под плиту.

Уровнем ниже подземелье выглядело вполне прилично – почти не тронутое той силой, которая развалила стены наверху. Несколько гниющих побегов на лестнице, плесень и мокрицы, вот и все. Стены и перекрытия здесь остались в целости. Пол просторного помещения выложен бурой кафельной плиткой, стены когда-то были выкрашены, но сейчас краска облупилась, облезла и местами скрывалась под пятнами плесени.

- Давайте за мной, - объявил Швед, – поначалу все должно быть спокойно, но не расслабляйтесь, Лес рядом.

Он пересек зал и первым шагнул в темный зев коллектора, Алекс шел за ним и водил фонариком, разглядывая стены – в коридоре они были гладкими, бетонными. Бойцы Черного Рынка шли следом, здесь уже было тесно, и им пришлось пробираться по одному. Жила оказался за Алексом, и это немного действовало на нервы. Миронов шел предпоследним, а в хвосте брел молчаливый Бугай.

- А здесь ничего так, - подал голос Семка. Хотя, возможно, это был Пашка. – Тихо, спокойно. На Химзавод дойдем, ни разу не чихнувши.

- Смотри, сглазишь, Лес все слышит, - одернул его суеверный Ржавый. Огляделся, где бы найти дерево, чтобы постучать, как требует народная примета. Ничего не приметил и похлопал приклад своего «калаша».

Вскоре плоский пол закончился. Дальше ход был набран из бетонных колец диаметром метра три. На дне собиралась вода, и теперь вдоль всего коридора тянулась длинная лужа. Под ботинками зачавкала грязь. В лучах фонариков серый шершавый бетон стен сменялся плохо пригнанными швами, сквозь них осыпался грунт, тянулись корешки.

- Плохо, - буркнул Швед. - Крыс не видно. Здесь всегда крысы шастали, здоровенные такие, почти по колено мне. А сейчас нет.

- Что, по крысам соскучился? - отозвался Жила. - Они тебе подходящая компания, так, что ли?

Швед не удостоил его ответа. А Алекс посчитал нужным объяснить:

- Если крысы ушли, значит, была причина. Кто-то их спугнул. Кто-то пострашнее крыс.

- А ты откуда знаешь? Ты же здесь впервой?

- Старые руины везде одинаковы. И крысы тоже.

Алексу очень хотелось сказать: «Крысы, вроде тебя», - но злить Жилу он не стал. Им еще долго шагать, а этот урод идет позади.

- Эй, - окликнул сзади Бугай, - за нами, кажись, кто-то шлепает.

- Ты его видел? - спросил Миронов.

- А Леса с два его увидишь, темно! Только когда мы в этот... в круглый коридор перешли, я слышать стал. Лужа на полу, вода хлюпает.

- А ну, замерли! - велел Миронов. - Не дышать, не чесаться. Слушаем!

Все остановились и притихли. Из хода не доносилось ни звука.

- Может, показалось? Бугай, тебе не чудится?

- Не, я точно слышал, - заспорил здоровяк. - Оно хитрое. Когда мы идем, и оно движется.

А мы замерли - и оно встало.

- Может, эхо?

- Идем лучше, - попросил Ржавый. - Пусть оно сзади плетется, а мы - вперед. А?

Швед снова зашагал в темноту, на ходу вода фонариком из стороны в сторону. Теперь отряд, который вначале растянулся по коридору, собрался, задние нагнали, и в тесноте прохода топот и плеск грязи под ботинками, отдавались эхом. «Могло Бугаю и в самом деле показаться, - подумал Алекс, - может, не идет за нами никто?» И тут же он чуть не ткнулся в широченную спину Шведа - тот резко остановился и замер, подняв автомат. Сзади выругался Жила, который тоже едва не налетел на Алекса, по цепочке пробежала волна возгласов.

- Что там? - окликнул Миронов.

- А ну, тихо! - вполголоса бросил Швед. - Все замерли!

Потом бахнул выстрел. По длинному коллектору пошли гулять отзвуки.

- Да что там такое? - повысил голос Миронов.

Его люди собрались толпой позади Жилы и Алекса, Миронов был где-то сзади и ничего не видел. Алекс помалкивал - если что, Швед скажет. Но Миронов требовал ответа.

- Уже ничего, - не оборачиваясь, ответил Швед. - А была змеюка. Алекс, у тебя изоляенты нет при себе?

- Держи.

Швед примотал фонарик под цевьем своего «калаша». Потом зашлепал дальше. Алекс, идя за ним, посветил под ноги и переступил дохлую гадюку с развороченной башкой. Обычная змея, немного больше метра длиной. Могла такая напугать крыс или будет что-то более серьезное?

- Ползла навстречу, - забубнил Швед, шагая впереди, - не боялась? А почему? Мы топаем, как стадо горбунов, гадюке полагается бояться. Почему она навстречу ползла?.. Стоп! Замрите! Не шуршать!

Швед вскинул левую руку, подавая знак. В этот раз все уже были готовы и замерли в

ожидании. Проводник не шевелился. Когда хлюпанье грязи под ногами и шорох снаряжения стихли, Алексу показалось, что он и в самом деле различил позади плеск чьих-то шагов в луже. То самое, о чем говорил Бугай. Но если отряд кто-то преследовал, он сейчас тоже затих. Зато впереди раздавались звуки – и это уж точно. Тихий скрежет, шорох осыпающегося гравия, неприятный хруст. Ровно, монотонно, непрерывно, как будто там трудилась бригада землекопов.

Потом Швед погасил фонарик и, не оборачиваясь, тихо бросил:

- Свет убрали.

Поначалу Алекс не понял, чем помешал проводнику свет, но потом, поморгав в сумраке, сообразил: а ведь темнота не полная! Он может видеть свои руки, различает отсветы на стволе «макарова», а кряжистая фигура Шведа достаточно отчетливо прорисовывается на сером фоне. Свет лился в коллектор откуда-то спереди, хотя до Химзавода должно быть еще далеко. Швед говорил, что подземный ход тянется к заводскому комплексу, не выходя на поверхность. Однако впереди что-то светилось!

- Эй, ты, в каске! – позвал Швед. – Твой выход. Давай теперь ты первым.

- А чего я, - Жила попятился, - ты проводник, вот и давай... это...

- Я не шучу, ты первым - спокойно, но с нажимом повторил Швед. – Командир, приказывай ему. Да не трясись, я рядом буду.

- Давай, Жила, - поддакнул Миронов.

Алекс отступил, пропуская Жилу, тот прошел мимо него и Шведа, бурча, что он еще всем припомнит.

Теперь Алекс оказался третьим. Когда за спиной не было Жилы, на душе сразу стало легче. Снова тронулись, но уже медленнее, Жила шел осторожно, то и дело останавливался и что-то бубнил. Слов Алекс не разбирал, слышал только короткие ответы Шведа:

- Давай, парень, шагай, это еще ничего. Интересное будет дальше.

Метров через двадцать показался источник света – в бетонном своде зияли проломы, сквозь них в коллектор тянулись толстенные корни, Виден был сырой грунт, и в прорехах просматривалось небо. На первый взгляд, ничего не происходило, но вот Жила вскрикнул и отскочил в сторону, лужа под его ногами плеснула грязью. Из свода вывалился порядочный кусок бетона, посыпалась каменная крошка, и корень в проломе шевельнулся, словно живое существо.

- Эт-то что же? – запинаясь, произнес за спиной Алекса Ржавый.

- Это Лес, - пояснил Швед, – сюда ломится, вон, как бетон раскурочил.

Лес пробивался сквозь преграду, запускал корни в малейшую щель, заставлял их стремительно расти и расшатывать стену. Снова посыпался щебень, сверху свалились влажные комья земли, а корень заизвивался, распрямляясь в пустоте. Когда преграда исчезла, он стал вытягиваться вдоль прохода. А дальше в сером свете, струящемся сквозь дыры, виднелись другие корни, они змеились вдоль стен и в лужах на полу, выпускали отростки. елозили по грязному бетону. Все это вместе и создавало непрерывный шорох-скрежет-треск, который Алекс слышал издали.

Жила осторожно пошел вдоль змеящихся корней, опасаясь не то, что наступить на отросток, но даже поставить рядом ногу. Швед шагал за ним. Когда ему попадались под ноги корни, он смело топтал их или отшвыривал носком ботинка. Алексу в движении растений чудилась злая воля, ему казалось, что корнями управляет некий разум, они не просто так ползут и извиваются, а преследуют непонятную человеку цель. Почему Лес решил перерезать путь к Химзаводу? Какой в этом смысл? Сначала Лес выпустил отросток зарослей по поверхности, потом корни деревьев-мутантов с пугающей скоростью устремились в коллектор. Их не остановил даже бетон!

Жила впереди что-то пробурчал, Швед остановился, пришлось встать всем. Несколько минут проводник вглядывался в движение корней, потом сказал:

- Не трогай, просто иди мимо. Переступи и шагай себе.

- Сам иди! – огрызнулся Жила. – Я такое за спиной не оставлю.

Алекс отступил влево, к округлой стене, чтобы разглядеть, что так насторожило кочевника. Поперек коллектора, изгибаясь в грязи, лежал необычно толстый отросток. Похоже на еще один корень, но с ним явно что-то не так. Здоровенный, около полуметра в поперечнике, и странно пульсирующий, как будто под белесой кожей что-то движется.

Миронов прикрикнул на Жилу, приказал слушать проводника.

- Ладно, ладно... - Жила осторожно, мелкими шажками, приблизился к шевелящейся вытянутой массе.

Потом так же медленно и опасно занес ногу, чтобы переступить преграду... и тут кожа лопнула, изнутри выплеснулась вязкая жидкость, полетели тяжелые капли. Жила взвизгнул и отскочил, налетев спиной на Шведа. Тот молча отшвырнул Жилу в сторону и шагнул вперед сам, наводя «калаш» на дрожащий разрыв в корне. Изнутри высунулась безглазая морда. Что-то, отдаленно напоминающее крысу, мокрое, в свалывшейся слипшейся шерсти... тварь распахнула пасть, показав длинные резцы. Швед короткой очередью разнес слепую башку. Тварь задергалась, и вывалилась наружу, следом за ней показалась другая, такая же – слепая оскаленная морда, короткие лапы, все мокрое, облепленное слизью.

- Стреляйте! – крикнул Швед.- Их сейчас будет много!

Слепые мутанты полезли из того, что казалось корнем, а на деле было чем-то непонятным, то ли кишкой, рождающей этих уродцев, то ли трубой, которая их, слепых, направляла.

Твари ползли по дрожащей трубке, показывались наружу, в них стреляли. Потом лопнуло еще в двух местах, оттуда сунулись слепые морды. Мутанты шипели, разевая пасти, гремели выстрелы.

Ширина коллектора позволяла стрелять не больше, чем троим одновременно, и Швед, перебив с десятков мутантов, отступил, чтобы перезарядить автомат. Алекс со своим «макаровым» продержался недолго – не всякий раз удавалось прикончить мутанта первым выстрелом. Расстреляв магазин, он отступил, на его место шагнул Ржавый...

- А ну, все назад! – рявкнул над ухом Швед. – Ко мне за спину, быстро!

Алекс, на ощупь тыча новую обойму, заметил в руке Шведа бутылку. Бойцы, не прекращая стрельбы, попятались, они жались к стенам тоннеля, обходя Шведа. Когда все оттянулись назад, Швед швырнул бутылку, она ударилась о бетон, разлетелось стекло, содержимое плеснуло на ворочающихся в грязи мутантов – и только что появившихся из трубы, и уже подстреленных, истекающих кровью. Пахло керосином...

В руке проводника затрепетал огонек, Швед поджег скомканную бумагу, швырнул ее в копошащееся месиво и заорал:

- Быстро вперед! Пока горит!

Взметнулось пламя, Алекс невольно отступил, прикрываясь рукой. В огне вертелись и подпрыгивали слепые мутанты, кишка извернулась, взметнулась кверху, уронив из прорех еще пару тварей, ударилась о бетонную стену коллектора... а Швед уже бежал прямо в огонь. Под ботинками жирно чавкало, мутанты верещали, что-то гудело над головой – на поверхности. Подземелье начало заволакивать удушливым дымом, закружились невесомые частички копоти. Алекс, прикрыв лицо рукавом, бросился за Шведом сквозь дым, вывалился по другую сторону огненной завесы, пробежал дальше, охлопывая себя, сбивая тлеющие хлопья пепла. Следом ломился весь отряд, Ржавый надсадно кашлял, Жила отчаянно ругался, Бугай на бегу просто выл: «Ы-ы-ы-ы...»

Бойцы по одному прорывались сквозь жаркую стену огня и дыма, кашляли, отряхивались, а Швед уже шагал вперед, выкрикивая:

- За мной! Быстро, все уходим! Жила, Лес тебя заведи, вперед! Где твое место, забыл?

Но Жила проскочил огненную завесу одним из последних, рядом со Шведом оказались Алекс и один из рыжих братьев. Из-за треска огня и топота Алекс не сразу разобрал, что и над головой тоже шумит – что-то громоздкое ворочалось над сводом, при этом корни Леса

продолжали протискиваться в коллектор, взламывали бетон и, проникнув внутрь, изгибались вдоль стен. Среди этих звуков угадывалось что-то еще, но прислушиваться было некогда. Швед снова закричал: «Вперед, быстро!» - и затопал по извивающимся корням дальше. Алекс припустил за ним, следом бежал рыжий. Над его головой звонко треснуло, по круглому своду тоннеля побежали быстро растущие трещины, под скрежет и гром посыпались куски бетона. Алекс, втянув голову в плечи, припустил скорее, стараясь не отстать от гулко топающего Шведа. Рыжий за спиной завопил брату:

- Семка, жми! Давай же!

Снаружи в ответ на этот крик прокатился глухой раскатистый рев, а исчерченный трещинами свод зашевелился, Алекс поднажал, увертываясь на бегу от обломков. За его спиной гулко обвалилось перекрытие и тут же подземелье затряслось от раскатов мощного рева. Вместе с обломками ветвей, сплетением гибких корней, кусками бетона и пластами земли в подземелье провалился медведь. Тогда Алексу показалось, что зверюга здоровенный, но на самом деле это был вполне средний шатун. Правда, в узком коллекторе, наполовину заваленном землей и обломками, даже такому было тесновато.

Мутант завертел тяжелой башкой – поначалу его обескуражило и слегка оглушило падение, но хищные инстинкты мигом взяли верх над растерянностью, зверь стал с ревом подниматься на задние лапы. Один из чернорыночников, Семка, выбегавший из полосы дыма, не успел вовремя остановиться, толкнул в спину Жилу, тот заорал и метнулся назад, отпихивая рыжего. Семка оступился, взмахнул руками в поисках опоры, и вставший на задние лапы шатун шагнул и сшиб его на пол.

- Семка-а-а-а! – заорал рыжий рядом с Алексом и пошел к зверю, поливая его очередями из автомата. – Семка-а-а! Вставай!

Пули вмиг исполосовали мохнатую спину шатуна, но тот даже не обернулся. Он склонился над упавшим Семкой, передние лапы дважды взлетели и опустились – во второй раз они были красными, кровь стекала по когтям. Зверь снова взревел и, оставив искалеченное тело Семки, шагнул к замершим бойцам. Те попятились.

Пашка расстрелял все пули, но не остановился, подскочил к зверю сзади и ударил прикладом. С тем же успехом он мог бы колотить бетонные стены коллектора, шатун просто не обратил на человека внимания, он, раскинув окровавленные передние конечности, косолапил к Миронову, Бугаю, Жиле и Ржавому, которые оказались перед ним. Из-за широкой спины мутанта Алекс увидел, как пляшет в руках Бугая ствол ПКТ, и, не раздумывая, рухнул в грязь. Пулемет загрохотал и тут же заглушил рев мутанта. Алекс вжался в пол коллектора, инстинктивно прикрывая руками голову. Медведь рычал, пулемет грохотал, не переставая, Бугай выл, и ствол ходил в его руках из стороны в сторону...

Когда пальба стихла, и эхо отгуляло под сводами, Алекс рискнул поднять голову и оглядеться. Швед распластался рядом, вся морда в грязи. В нескольких метрах от Алекса лежал растерзанный зверем Семка. Дальше громоздилась мохнатая туша – шатун издыхал и булькал кровью. Из-под шерсти торчала человеческая нога. Падая, мутант придавил Пашку... Больше в отряде потерь, как будто, не было. Бугай весь трясся, из ствола ПКТ поднимался дымок. Миронов утирал вспотевший лоб, Ржавый что-то бормотал – не то ругался, не то молитву читал. Из-за их спин показался Жила:

- Идем, идем отсюда! Идем, пока больше ничего не стряслось!

И Жила стал протискиваться вдоль стены, обходя развалившегося в луже шатуна.

- Ага, - буркнул Швед, - у этого малого ума прибавилось, он уже согласен первым идти.

Проводник встал и отряхнул грязь с колен.

- Алекс, возьми автомат рыжего, твоя игрушка здесь не годится.

- Да и не собирался здесь играть, - буркнул Алекс. – Ты же знаешь, я привык налегке. И в такие переплеты старался не встречать, пока ты с собой не взял.

Он встал и подошел к Миронову и остальным. Придавленного медвежьей тушей парня вытащили, но он был мертв. Алекс подобрал «калаш» одного из братьев, Ржавый протянул ему

пару магазинов, и Швед велел шагать дальше.

- Еще немного, и мы из-под Леса уберемся, - пояснил он. – А там и до Химзавода рукой подать.

- Еще немного?! – срывающимся голосом выкрикнул Жила. – Так чего стоим?! Ну?! Я первым пойду!

И он широко зашагал, разбрызгивая грязь. Корни он по-прежнему аккуратно переступал или обходил стороной, но двигался быстро, и остальные потянулись следом. Алекс шлепал по луже за Шведом, глядел на извивающиеся корни и размышлял: куда это мы влезли? Что там, в семнадцатом цехе такое, из-за чего все силы мира стремятся туда? Мало того, что Черный Рынок с Армией Возрождения оспаривают друг у друга эту добычу, так вот и Лес прокладывает путь туда же.

- Стой! – выкрикнул Швед. – Жила, видишь наросты на корнях, вроде ульев таких? С ними аккуратней! Они опасные!

Жила резко затормозил и пошел медленнее, прижимаясь к стене, чтобы обогнуть скопление корней, на которых притаились смертоносные порождения Леса. Миновав опасное место, он пошел боком, то и дело косясь на «ульи». Алекс слышал, что такие штуки окрестили «газовой камерой». Если задеть, выстрелит струей ядовитого газа, а в тесном коллекторе это верная гибель. И он тоже глядел на «ульи» - когда проходил мимо, и потом, когда они остались позади... потому и пропустил момент, когда Жила начал вопить.

- Что это? – выкрикнул боец. – Что со мной?

Алекс уставился в полумрак, где Жила замер, занеся ногу для следующего шага и не решаясь ступить снова. На первый взгляд ничего с ним не происходило – стоит человек, и трясется. Потом с головы Жилы свалилась трофейная каска, и Алекс увидел, что волосы на голове Жилы стоят дыбом. Никогда прежде не приходилось такое наблюдать – голова стала похожа на ежа, ошетилившегося колочками...

- Медленно назад, - пятась, пробормотал Швед. – Все назад. И Жила тоже...медленно, медленно...

Но тот был слишком напуган, чтобы исполнить указание в точности. Услышав слово «назад», он дернулся, попытался бежать – и тут воздух вокруг него словно вспыхнул. Снизу и сверху ударили электрические разряды, тело Жилы задергалось в паутине ослепительно-ярких молний, его автомат отлетел в сторону и звонко ударился прикладом о бетон. Длилось это две-три секунды, потом все успокоилось, молнии разом пропали, и кочевник мешком осел в лужу. Его одежда почернела и дымилась. Мгновение он сидел, пялясь выпученными глазами, кажется, прямо на Алекса... потом завалился набок.

- А теперь бежим! – крикнул Швед. – Кто во что верит, молитесь, чтобы никаких ловушек больше не было! Бежим, пока она разряжена!

И первым помчался по длинной луже на дне коллектора. Алекс бросился следом, позади топали остальные. Безумный бег длился недолго, Алекс перепрыгнул похожее на бесформенную кучу тряпья тело Жилы, перед ним мелькала в неверном свете спина Шведа, надсадно пыхтел сзади Бугай... Через десяток шагов Швед вдруг притормозил и, резко нагнувшись, подхватил что-то из грязи. Алекс прыгнул в сторону, чтобы не налететь на проводника, но тот уже бежал дальше. Алексу казалось, что корни тянутся к нему, норвят вцепиться в одежду, поймать, остановить, и он бежал изо всех сил, стараясь не отстать от проводника. Потом Швед остановился и включил фонарь. Только теперь Алекс сообразил, что в коллекторе непроглядная темень. Проломы в своде, пропускающие дневной свет, остались позади. И корней больше нет. Это значит, они миновали участок подземного хода, над которым поднялся Лес.

Все пыхтели и отхаркивались после бега. Где-то позади по-прежнему раздавался скрежет и шорох – Лес неумоимо пробивался в коллектор.

- Прорвались? – хмуро спросил Миронов.

- Вроде, так, - выдохнул Швед. – Вообще-то, бегать в таких местах нельзя... Но я

подумал, не может быть слишком много хреновин в одном месте, если «ульи» со «спиралью» рядом, то больше ничего поблизости не будет. Ну и поспешил, пока «спираль» разряжена. В общем, пронесло. Повезло нам.

- Повезло? Я половину людей потерял, а до армейцев даже не добрались!

- Хорошие ребята были... - вздохнул Бугай.

- Братанов жалко, - поддакнул Ржавый, - эх...

- А я говорю: повезло! – гнул свое Швед. – Что мы можем знать об удаче? Когда конунг Харальд Синезубый спросил Одина, почему тот то дает удачу воинам, то отнимает, Один ответил: «Серый волк наблюдает за обителью богов».

- Это потому что Один знал, что его сожрет волк Фенрир, - вставил Алекс.

- А потом Один убил Харальда, чтобы не задавал дурацких вопросов, - закончил Швед.

- Время? – перебил его вздохи Миронов, уставившись на свое запястье. - У меня что-то с часами... Сколько времени прошло?

- Электронику «спираль» вырубил, - пояснил Швед. – Это когда Жила, дурень, ее потревожил. Нельзя быть дерганым, когда Лес над головой. Лес спешки не терпит.

- У меня механические, - подал голос Ржавый, - они в порядке. Без четверти десять сейчас.

- Надо же, времени прошло – совсем ничего, - заметил Алекс. – А мне казалось, целый день по этой кишке шагаем.

- Почти дошагали, - успокоил Швед. Сейчас над нами, наверное, уже Химзавод. Теперь под ним пройдем, это уже недалеко, километра полтора.

Он повел фонариком:

- Вон, видите, впереди вроде перекрестка? Точно, мы под заводом. Теперь к семнадцатому цеху вас выведу, как по проспекту.

Перекресток, о котором говорил Швед, оказался квадратным помещением. Труба закончилась, пол снова был плоским, а стены отвесными. Бугай шумно выдохнул и сказал:

- Я уж думал, никогда не выберемся.

Миронов потребовал не терять времени, и Швед зашагал по коридору наподобие того, которым начался подземный ход – здесь даже остатки масляной краски на стенах сохранились. Луж и грязи было поменьше, на кафеле иногда попадались ошметки какой-то гнили, коридор заканчивался массивной стальной дверью, перед которой белели кости, едва прикрытые лохмотьями военной формы. Швед переступил останки, пояснив на ходу:

- Когда я сюда в первый раз попал, этот скелет так и валялся. То ли дверь не смог открыть, то ли просто дополз и помер. Дверь тогда заперта была.

- Может, он ее сам запер? – предположил Алекс.

- Может, и так. Но замок-то и с той стороны отпирается.

За дверью было широкое помещение, вдоль стен тянулись двухъярусные нары. Убежище для рабочих. Швед шагнул быстро, и осмотреть помещение было некогда. Алексу было интересно, нет ли подземного помещения для заводской канцелярии, там могли бы сохраниться какие-то документы, а его всегда тянуло к бумагам. Страсть к чтению и влекла его в вечные странствия по руинам цивилизации... но сейчас, конечно, было не до бумаг. Швед размашисто шагнул, вода по сторонам фонариком, и рассказывал, где другие жилые убежища, а где подземный цех и склады:

- И под бомбежкой здесь кое-какое производство можно было продолжать. Но не в семнадцатом. Там даже коек нет, одни хранилища. Значит, не предполагалось ничего в военное время делать, исключительно спрятать то, что на поверхности. Зато перекрытия – будь здоров какие, я проверял. Потолще, чем здесь.

Швед на ходу объяснял устройство подземелий, иногда сдерживал шаг, чтобы посветить фонариком и показать. Видно было, что ему давно хотелось поделиться с кем-то своими наблюдениями, вот он и пользовался случаем. Отсеки бомбоубежища тянулись и тянулись, пустые и однообразные. Наконец Швед остановился перед стальной дверью, наподобие той, у

которой лежал скелет военного.

- Здесь переход к Семнадцатому, - объявил он, - мы уже, считайте, на месте.

- Время? – обернулся Миронов к Ржавому.

- Одиннадцать – двадцать восемь.

Командир оглядел оставшихся бойцов:

- Проверить оружие. Всем быть готовыми. Швед, слушай... мне понадобится поддержка. Я потерял половину бойцов, маловато нас для большого шороха. А ты, вроде, мужик боевой, поможешь, а? Алекс, и ты? Батяка в долгу не останется, отблагодарит за помощь.

Швед остановился и потянулся ерошить бороду, Алекс знал, что так у него проявляется глубокая задумчивость. Чернорыночники глядели на проводника.

- Мне с армейцами делить нечего, - сказал он. – Нет повода с ними схватываться. Я вам уже помог, сквозь Лес провел. Если вояки об этом узнают, мне и так эта помощь боком выйдет.

- Та и сделай, чтобы они не узнали! Если мы всех здесь положим, никто не пронюхает.

- Это вряд ли... слухи – такая штука, что их не остановишь. А у Батяки народу много, кто-то точно расскажет, слух и пойдет.

- Это ты Батяку не знаешь, - Миронов выдавил сухой нервный смешок. – Если он запретит, никто не вякнет.

- Ну, если так, - Швед снова стал теревить бороду. – Алекс, ты согласен?

Алекс пожал плечами. С чего это ему влезать в чужую свару? Даже если нелюдимый мрачный отшельник вдруг решил на такое дело, хотя на него совсем не похоже, то за Алекса он решать не может!

Он с недовольством глянул на Шведа, а тот, толкнув скрипучую ржавую дверь, шепнул:

- У нас выбора толком-то нет, понимаешь? Обратно тем же путем уйти не получится. Точно тебе говорю.

За дверью был длинный коллектор из бетонных колец, наподобие того, по которому протопали большую часть пути. На полу Алекс заметил листы бумаги, вросшие в грязь. Он задержался на минуту, чтобы разглядеть один. Разобрал: «Инструкция по эксплуатации» и выбросил – ничего интересного. Вытирая испачканную ладонь, он различил невнятный шум, доносящийся из заводского бомбоубежища. Вроде, идет кто-то? Звуки в подземелье разносились далеко, даже самые незначительные, но эхо искажало их и мешало определить направление.

Швед с бойцами уже прошел пару десятков шагов, они ничего не могли слышать. Алекс пошел обратно – навстречу неизвестному ходоку. У входа в широкий зал он остановился. Вот в темноте промелькнул отблеск... похоже на луч фонарика... и шаги стихли. Чужак заметил Алекса?

- Эй! Эй, кто здесь?

Ответа, конечно, но последовало. Загадочный преследователь затаился. Алекс побежал догонять кочевников.

- Что там было? Чего кричал? – окликнул его Миронов.

- Вроде, крадется за нами кто-то. Поймать его не получится, ну я и позвал. А вдруг откликнется?

- Откликнется, как же, - нервно пробасил Бугай. – Я же говорил, идет за нами кто-то. От самого входа!

- Может, зверь? – спросил Ржавый.

- Ага, зверь с фонариком. Я свет заметил.

-Ладно, - подвел итог Миронов. – Сейчас выходим на поверхность, атакуем армейцев, а если кто и шел за нами – уже неважно. Если до сих пор не напад, то в бою не помешает. После разберемся.

Швед несколько раз показывал выходы из бомбоубежища к надземным сооружениям Химзавода – это были лестницы, широкие, удобные для эвакуации персонала, имелся и грузовой лифт для оборудования. В Семнадцатом цехе выход на поверхность оказался устроен

совсем иначе – здесь лестница была вертикальная, сваренная из стального профиля, наверху ее прикрывал массивный люк. Швед полез первым. Сначала Алекс удивился, ведь Швед сам сказал, что они не будут особенно шустрить. Но оказалось, лестница ведет не на поверхность, а на промежуточный этаж – гулкое приземистое помещение, совершенно пустое. Оттуда наверх – новая лестница. Вот тут Швед демонстративно отступил в сторону, жестом предлагая Миронову подниматься. Тот кивнул, оглядел свое поредевшее войско и стал осторожно взбираться по лестнице. Откинул люк, впуская внутрь потоки света, выставил наружу дуло автомата, и огляделся. Потом продолжил подъем.

- Ну что там? – шепотом спросил Бугай, поглаживая пулеметный ствол. – Есть кто?

- Никого, - отозвался сверху командир. – Давайте за мной.

Алекс вскарабкался последним. Группа уже рассредоточилась вокруг люка. Они стояли посередине просторного зала, уставленного заржавевшими станками, вдоль стены проходила лента транспортера, и выстроились ячейки стеллажей. Кое-где из окон тянулись толстые корни, оплетали оборудование, свивались змеиными кольцами. Лес побывал здесь и отступил.

- Похоже, никого нет, - заметил Миронов. – Повезло нам.

Бугай вдруг резко развернулся, скидывая пулемет... и тут его голова дернулась, с негромким хлопком в середине лба возникла аккуратная дыра, откуда медленно потекла красная струйка. Колени здоровяка подогнулись, с грохотом рухнул на пол ПКТ. Из-за ленточного транспортера и мертвых станков показались солдаты, стволы были направлены на пришельцев. Они были повсюду.

- Вы окружены, сопротивление бесполезно! - отчеканил командир армейцев. – Оружие на пол, руки поднять!

Алекс медленно и осторожно повел головой – десятка полтора армейцев их на мушке держат, причем расположились грамотно, на линии огня никто из своих не торчит. Засада. Заранее здесь ждали, Лес бы их взял! Страх почему-то не возникло, только досада. Ну, как же так! Прощли под землей, прорвались сквозь заслон Леса... казалось, все позади...

- Без шансов, - пробормотал Швед. Он замер, только глаза бегали из стороны в сторону – оценивал ситуацию. Да что тут оценивать... – Мы сдаемся, сдаемся... когда вежливо просят, разве я откажу?

Он бросил «калаш» на пол. Алекс последовал его примеру. Ситуация – хуже некуда, но пытаться что-то сделать прямо сейчас, под прицелом полтора десятков солдат, все равно бессмысленно. Вслед за ним бросил оружие и поднял руки Ржавый.

Миронов думал несколькими секундами дольше. Но что он мог поделать? Армейцы, по-прежнему держа пришельцев на мушке, вышли из укрытий. Несколько человек обыскали пленных. Остальные следили, не опуская стволов. С Алекса сняли пояс с кобурой, у Шведа обнаружился набор разнокалиберных ножей, больше десяти – от пары совсем коротких, складных, до здоровенного тесака, которым он рубил заросли у входа в подземелье. Солдаты извлекали из-под одежды проводника ножи и бросали на пол.

- Как ты все это на себе таскал? – спросил Алекс. – Я даже не видел, куда ты их прячешь.

Ему удалось совладать с нервами, и голос почти не дрожал.

- Сам удивляюсь, как это барахло на мне помещалось, - покачал головой Швед, пялясь на растущую перед ним брякающую кучу клинков. – Фух, вроде даже как-то легче стало. Братцы, послушайте, я не с ними, я только проводник... я и этот вот пацан. Проводники мы.

- Мы не братцы, а солдаты Армии Возрождения, - отчеканил командир. – По законам военного времени вы все задержаны во время незаконного проникновения на охраняемый объект.

- Да откуда ж мне знать, что он охраняемый? – возразил Швед. - Меня вот эти подрядили сопроводить их на Химзавод, поискать, может, химия какая-то здесь найдется полезная. А я что? Мне заплатить обещали, я и провел.

- Мы мирные жители, - без особой уверенности поддакнул Ржавый. – Местные мы, тутошние! Думали, для хозяйства на Химзаводе разживемся чем-нибудь...

- А те, - командир мотнул головой, указывая на выход из помещения, - которые сейчас нас окружают, они тоже местные? В таких же курках, как на тебе, черных? Нет, вы все бандиты и мародеры. И по законам военного времени вам полагается...

За стеной прозвучал выстрел, потом еще и еще, раскатились автоматные очереди. Ржавый покосился на свои механические часы и едва заметно кивнул Миронову – двенадцать. Батяка начинает штурм. Миронов скривился. Алекс его хорошо понимал – сам чувствовал то же самое. Длинный путь, потеря людей, схватка с мутантами... и вот, когда все, вроде, удалось... и успели вовремя!.. А оказалось – все было напрасно.

Похоже, другие пленные чувствовали то же самое – огромную усталость и тоску. Никто не помышлял о сопротивлении. Да и какое сопротивление? Засада была устроена настолько грамотно, что это сходу обескураживало. Да и действовали армейцы решительно – Бугая застрелили сразу. Наверное, чтобы с самого начала показать бесполезность отпора. И сейчас, когда Батяка начал штурм, они выглядели скорее довольными – у них все по плану.

- По местам! - скомандовал офицер. – Сержант, этих запереть. Допросим после. Может, им что-то серьезное известно. Но при малейшем неповиновении применять оружие.

- Применять на поражение, товарищ капитан? – уточнил сержант. Это говорилось скорее для пленных, чтобы прониклись серьезностью момента и не думали о сопротивлении.

- Так точно, - отчеканил капитан, - на поражение.

Армейцы поспешили к выходу. С пленными остались четверо во главе с сержантом. Тот качнул автоматом, указывая направление:

- Шагайте... местные. Руки за голову и вперед. Живо и без глупостей.

Солдаты окружили пленных и, подталкивая стволами автоматов, повели вдоль длинного помещения. Свободное пространство между рядами станков было завалено изломанной тарой и битой посудой. Кое-где приходилось переступать корневища, дотянувшиеся даже сюда, к середине зала.

В дверях Алекс оглянулся и едва удержался, чтобы не выдать удивление – из люка, через который они проникли в цех, показалось... что? Сперва Алекс подумал, что видит шерсть какого-то зверя. Шерсть оказалась всклокоченной макушкой, вполне человеческой, хотя и грязной. Потом под лохматой шевелюрой блеснули глаза... Солдат подтолкнул Алекса в спину и не дал досмотреть, кто выбирается из люка.

За производственным помещением начинался широченный коридор, сюда, похоже, могли подъезжать грузовики, чтобы принимать груз с ленты конвейера. Ряд дверей вел в другие отсеки, поменьше. Кое-где уцелели выцветшие таблички: «Лаборатория №7», «Лаборатория №8», «Биообразцы», «Вход воспрещен»... Заканчивался коридор стеной с массивными воротами, сейчас запертыми и приваленными баррикадой из всевозможного хлама – от обломков мебели до опрокинутого на бок Газ-52. Охраны не видно – наверное, армейцы рассчитали, что никто войти не сможет. И то верно, без динамита эту гору перед воротами не разворотить. Пока шли, стрельба позади усилилась – кочевники подбирались к зданию с противоположной стороны.

Сержант пинком распахнул дверь, над которой таблички не было. Алекса и остальных втолкнул в длинное помещение, заставленное лабораторными столами и шкафами, стеклянные дверцы которых были расколоты. Слой битого стекла и пожелтевших, слипшихся от грязи бумаг покрывал пол. Окон здесь не было, скупо светили электрические лампы, запитанные от походного аккумулятора.

В углу двое армейцев возились с контейнерами – массивными, с виду очень тяжелыми. Один, тощий очкарик, поднял голову и недовольно буркнул:

- Чего вам здесь?

- Пленных запрем в той камерке, откуда груз вынесли, - сержант ткнул стволом, указывая на дверь в дальнем конце комнаты. – Там дверь подходящая, и запоры крепкие. Не ошибся капитан, все точно рассчитал! Слышь, Сашок? Правильно он тогда решил, когда я подземный ход обнаружил. «Отсюда попытаются взять», - так и сказал!

Сержанту было приятно подчеркнуть свою заслугу. Обнаружил подземный ход, как же! Тут товарищу очкарика удалось наконец открыть контейнер, там звякнуло стекло, веером разлетелись бумаги. Швед поймал порхнувший в его сторону листок, впился в него взглядом... Алекс понял: с отшельником происходит что-то странное. Швед побледнел, шрамы на висках проступили багровыми кругами, задергалось веко.

- Швед, ты чего? – Алекс тронул проводника за предплечье, под пальцами была каменная твердость, будто мышцы Шведа свело судорогой. - Что с тобой?

- Обезьяны, - дрожащим голосом пробормотал Швед. – Скачут, трясут решетки, воняют... «Вектор». Название - «Вектор»!

Он повернул листок, и Алекс успел заметить над текстом крупно отпечатанное слово «ВЕКТОР» и логотип: круг с латинским V, перечеркнутым молнией.

Очкарик подскочил и выхватил листок из дрожащих пальцев Шведа:

- Не трогай! Дай сюда! А ты, Колька, веди их быстрее! Мы тут работаем, там стреляют, вы еще с какими-то бандитами заявляетесь! Что, их сразу расстрелять нельзя было? Обязательно сюда тащить?

Сержанту Кольке стало обидно, что его, вместо того, чтобы похвалить за обнаружение подземного хода, попрекают.

- Расстреляем, когда капитан скажет. Сперва допрос, понял?

Он шагнул к Шведу, поднимая автомат:

- А ты, шагай живо!

Но Швед даже не обратил внимания на армейца, он замер, будто окостенел, и только побелевшие губы шевелились, повторяя снова и снова: «Вектор... Вектор...» Сержант, не сдержавшись, ткнул прикладом Шведа в затылок. То ли не рассчитал, то ли нарочно хотел приложить пленного посильнее, но удар вышел крепкий. Голова Шведа дернулась, он вздрогнул всем телом... а потом... Алекс и моргнуть не успел, а сержант уже летел, не касаясь ботинками пола, в сторону. Рядом свалился на пол еще один конвоир – Алекс не заметил, как Швед оказался рядом с ним. Обычно степенный и неторопливый, сейчас он двигался молниеносно – вот он уже бьет отнятым автоматом третьего армейца, разворачивается, короткая очередь, еще. Двое солдат рухнули, обливаясь кровью.

Алекс прыгнул к очкастому Сашку, который трясущейся рукой схватился за кобуру, повалил и упал сверху. Над головой прошли пули, звонко ударили в бетон стены. Сашок попытался оторвать от себя противника, но Алекс сжал пальцы на его горле, армеец захрипел... Алекс несколько раз ударил его затылком о пол.

Швед метался по комнате, под его ногами хрустели и звякали осколки стекла. У Алекса зарябило в глазах, до того стремительно он двигался.

Миронов тоже бросился было к конвоиру, но тот уже валился на пол. Ржавый попросту упал и прикрыл голову руками. Наверное, это было самое мудрое решение. Миронов ухватил автомат противника, и тут ботинок Шведа врезался ему под ребра – вошедший в боевой транс проводник валил всех, кого видел. Всех, кто держался на ногах.

Вряд ли прошло больше пятнадцати секунд, и стоять остался один Швед. Вокруг него медленным хороводом порхали листы с логотипом «Вектор». Повсюду тела – распростерлись убитые армейцы, хрипел, держась за отбитый бок, Миронов, смиренно лежал Ржавый. В комнате не раздавалось ни звука, зато стала хорошо слышна стрельба у дальнего входа в цех.

Алекс, все еще лежащий на армейце, рискнул поднять голову и тихо позвал:

- Швед?

Тот стоял неподвижно, склонив голову, стискивая автомат так, что костяшки пальцев побелели.

- Эй, что с тобой? – Алекс немного повысил голос.

Швед – видно, что с большим усилием – заставил себя опустить оружие и огляделся. Взгляд уже был более или менее осмысленный. Очкастый Сашок, придушенный Алексом, захрипел и пошевелился. Алекс слез с побежденного врага, подошел к Шведу и заглянул в

глаза:

- Ты как?

- Не знаю. Что я сделал? Я дрался? Стрелял?

- Еще как! – с воодушевлением отозвался Ржавый, по-прежнему лежа на битом стекле. – Ну, мужик, ты даешь! Я такого еще не видывал!

- Ты один всех армейцев положил, - добавил Алекс. Помолчал, не зная, что еще сказать, - очень круто.

Миронов сел и, морщась, подтянул к себе автомат:

- Ну, Швед, если ты так и дальше продолжишь, мы армейцев быстро уделаем! Всех! Идем? По плану Батьки мы должны им в спину ударить.

- Хороший план, - буркнул Швед. Он уже приходил в себя и усиленно тер лоб. – Ладно, идем. Только я ничего не помню. Вот такая штука.

- Эй, а с этим что делать? – Алекс осторожно потыкал ботинком очкарика, который все еще не очнулся, хотя признаки жизни подавал все активнее. – Оставим в этой камерке, куда они нас хотели запереть?

Миронов поглядел на дверь.

- Пожалуй... у Батьки к нему вопросы будут. А то и у самого Хана. Давайте его под замок.

Разобрав оружие, освободившиеся пленные вышли в длинный коридор и, прижимаясь к стенам, направились к цеху. Там стрельбы не смолкала – люди Батьки изображали штурм, но, пока Миронов не подал знак, действовали вяло. Впустую рисковать никому не хотелось, а армейцы не нервничали, так как знали, что штурмующие ждут поддержки изнутри, а ее не будет. Обе стороны, выжидая, вели неспешную перестрелку.

Швед перебежал к противоположной стене, Алекс следом.

- Я не знал, что так получится, - бросил через плечо отшельник. – Не мог знать! Теперь армейцы нас точно прикончат, если мы их первыми не перемочим. Теперь задний ход уже не дашь, а? Змей Ермунганд уже укусил свой хвост, и судьбы замкнулись...

- Они бы нас все равно не отпустили, - без уверенности ответил Алекс.

- Да, наверное.

- Ладно. Что сделано, то сделано. Чего уж теперь-то...

Коридор пересекли без приключений, в производственном зале тоже никого не наблюдалось – армейцы находились за ним, у въезда в цех. Люк, через который группа Черного Рынка поднялась из подземелья, был сейчас закрыт и привален тяжеленными стальными болванками.

- Леха, а как это со мной началось? – не оборачиваясь, спросил Швед.

Они двигались через зал, перебегая от укрытия к укрытию, и не сводили глаз с входа. Там, не смолкая, звучали выстрелы.

- Ты бумажку схватил, прочел: «Вектор».

- Вектор... Вектор... нет, не помню. Значит, что-то было у меня в прошлом такое, что связано с этим «Вектором». А что за бумажка-то?

- Не знаю, я ее видел только пару секунд, ты мне показал, потом сержант тебя прикладом по затылку двинул, ну ты и «включился». Вроде, накладная на поставку реактивов. А, нет, заказ! Заказ на поставку. Получатель: «Вектор», что-то в этом роде. Слушай, я еще хотел сказать...

- Все, тихо! Потом поговорим!

Алекс собирался сказать о том, что таинственный преследователь из подземелья уже на заводе, но не успел. Они подошли к выходу, и Швед подобрался, готовясь к броску. Он выглянул из-за косяка широкого проема, потом посмотрел на Алекса и покачал головой:

- Плохо. Они грамотно рассредоточились, отсюда перестрелку вести не с руки. Нужно пробраться дальше, там будет, где укрыться.

Алекс из-за его плеча видел только часть широкого помещения, но обзор заслонял

грузовик – по всей видимости, тот, на котором приехали армейцы.

- Наружу проем широкий, ворота выбиты, - продолжал тихо бубнить Швед. Он снова стал прежним, неторопливым и рассудительным, и теперь проговаривал собственные мысли вслух. – Там баррикада, и никого нет. Стрелки у окон, позиции подготовлены. Человек пятнадцать, остальные на крыше. Сверху атакующие у них как на ладони, подобраться не дадут. Но если мы ударим в спину этим, которые внизу, то дело обернется в пользу Черного Рынка. Эй, Миронов!

Командир тоже выглядывал из-за простенка со своей стороны коридора и, похоже, пришел к тому же выводу: у входа оставаться нельзя.

- Миронов, сейчас все перебегаем за грузовик, слышал? Без шума! Подберем позиции, разойдемся, приготовимся. А потом уже начнем стрельбу.

Миронов кивнул и первым бросился в проход. Потом за грузовик перебежал Швед, Алекс выждал полминуты и помчался следом. На бегу осмотрел позиции армейцев. Арка въезда была перегорожена баррикадой двухметровой высоты, бойцы заняли позиции у окон, до половины заложены кирпичами и ржавыми железками. Окна, и без того, небольшие, превратились в бойницы. Время от времени армейцы выглядывали, но никто не стрелял, огонь вели с крыши.

Разведчик Черного Рынка говорил, что цех номер семнадцать огорожен двухметровым забором. Если кочевники начнут взбираться – их легко перестрелять на гребне. Плюс с крыши все хорошо видно, оттуда тоже огонь будет убийственный. Значит, чернорыночники сейчас подбираются к ограде, перебегают от укрытия к укрытию, ведут перестрелку с теми, что на крыше.

Когда Алекс добежал к грузовику и присел за колесом, к звукам пальбы за оградой добавилась рев мотора. Похоже, бронированная «таратайка» маневрировала, приближаясь к забору цеха. Армейцы у окон завертели головами, переглядываясь и прислушиваясь.

- Сейчас они успокоятся, и можно начинать, - шепнул Швед. – Мы с Алексом направо, а вы налево.

Миронов кивнул:

- Патронов не жалеть, нас маловато, нужно сразу как можно больше их людей из строя вывести.

Конечно. Как можно больше. Алекс вздохнул – именно это ему и не нравилось... В книгах, которые он пристрастился читать, все было иначе, там обычно шла речь о гуманизме, о ценности всякой человеческой жизни. Особенно плохим считалось бить в спину. В общем, в книгах все было не так, как в жизни... наверное, поэтому Алексу больше нравились книги. Додумать он не успел – Швед бросился из-за кузова грузовика, пришлось бежать следом. Как всегда – стоило прозвучать первому выстрелу, и в голове возникала звонкая гулкая пустота, ни мыслей, ни чувств. Одни только простые реакции. Стреляешь ты, стреляют в тебя. Кто успеет первым, тот и будет думать после боя о ценности человеческой жизни.

Длинной очередью Алекс срезал двух армейцев у ближайшего окна, потом попытался подстрелить следующую пару, но те уже поняли, что их атакуют с тыла, и бросились в стороны. Алекс дал очередь наугад и, даже не глянув, попал ли, рухнул за груды ящиков. Тут же в его укрытие ударили пули, во все стороны брызнула щепка. Бойцы, хотя и были ошарашены неожиданным нападением, торопились разделаться с новым врагом, пока не подоспели те, кто штурмовал цех снаружи, из-за ограды.

Алекс, пригибаясь, перебежал за ящиками и несколькими короткими очередями накрыл еще одного армейца. Сразу несколько стволов ударили по Алексу, заставив снова затаиться. Где-то рядом загрохотал автомат Шведа. «Таратайка» надсадно ревела двигателем уже совсем рядом. Алекс оглянулся – Миронова не видно, но стрельба идет и в дальнем конце зала. А Ржавый так и остался позади грузовика, причем осторожничает, стреляет совсем редко.

Ворота наружной ограды вздрогнули и обрушились, в проеме показалось оббитое стальными листами рыло «таратайки». Тут же на крыше ухнул гранатомет, в воротах

взметнулся столб огня, проем заволокло быстро вспухающими клубами дыма. Алексу некогда было смотреть, хотя в проеме цеховых ворот было видно, как развивается штурм. Перебегая к массивной ржавой станине какой-то установки, он успел разглядеть черные фигуры, проскальзывающие в ворота справа и слева от замершего броневика. Они стреляли – кто по окнам цеха, кто вверх. На крыше солдат Армии Возрождения было не меньше, чем в здании, и огонь они вели мощный. Железяка, за которой присел Алекс, загудела от бьющих у нее пуль, он выставил ствол, дал очередь наугад...

Очереди гремели, пули рвали воздух во всех направлениях, били в стены, рикошетили. Миронов оказался слишком далеко от соратников, ему пришлось туго, Ржавый все реже и реже рисковал высовываться из-за грузовика. Потом Алекс разглядел на бегу, что их командир лежит, поджав ноги, и по полу вокруг него расплывается красная лужа.

Черные куртки и каски замелькали над гребнем баррикады в проеме цеховых ворот. Громыхнул разрыв гранаты, чернорыночников смело обратно во двор. Тем временем Швед перебежками добрался в угол справа от ворот, бросил свой разряженный автомат и схватил стволы, принадлежавшие двум армейцам, которых он застрелил первыми – когда выбежал из-за грузовика. Стреляя с двух рук, он зашагал вдоль стены – сейчас все уцелевшие солдаты были на одной линии, как раз перед ним. Кого настигли пули, кто упал за укрытие. Алекс, воспользовавшись тем, что ответного огня никто не ведет, вскочил и присоединился к Шведу, ведя огонь по затаившимся врагам. Из-за грузовика высунулся Ржавый, а бойцы снаружи снова вскарабкались на баррикаду... Еще минута – и цех был в их руках.

Напряжение боя мгновенно ушло, Алекс почувствовал, что сердце бешено колотится, и колени вдруг ослабли. Он сел и опустил автомат на пол перед собой. Поднял ладони – дрожат. А пока стрелял, вроде не дрожали. Бойцы Черного Рынка разбежались по залу, переворачивали застреленных армейцев, подбирали оружие, двое присели рядом Мироновым. Тот ругался и зажимал рану на ноге.

- Что, брат, дрожат? – прогудел над головой Алекса голос Шведа. – Это нормально. У меня, допустим, не бывает этого дела, но вообще для человека без привычки – нормально.

Стрельба снаружи не прекращалась – несколько человек, выбрав укрытия понадежней, следили за засевшим на крыше противником и открывали огонь, если кто-то показывался.

- Батяка! – позвал Миронов, которого как раз приподняли, чтобы наложить бинты. – Я здесь!

Батяка зашагал через зал, переступая распростертые тела убитых армейцев, и склонился над раненым:

- Молодцом, Миронов! Отлично сработал.

- Отряд-то мой... все погибли, Батяка. Только я да Ржавый и уцелели. Хорошо, проводники помогли нам. Этот вон, - Миронов кивнул, - Швед, так он, считай, половину армейцев сам положил. Очень помогли. И армейцы здесь одну каморку вскрыли, там что-то важное! Алекс, вон, пленного взял. Тот должен что-то знать о добыче. Ящики такие железные, там бумага и химия какая-то в стекло запакована.

- Вот как? И пленного взяли?

Батяка обернулся и смерил проводников долгим взглядом. Алексу показалось, что командир Черного Рынка только старается казаться неторопливым и расслабленным, а взгляд острый, колючий.

- Мне пулемет обещали, - напомнил Швед. – Только я его не вижу. На крышу, что ли, армейцы мой пулемет уволокли?

- Сначала добычу поглядим, - решил Батяка. – Эй, Сивый! Слышь, крикни армейцам на крыше – пусть сдаются. Выхода-то у них нет. Жизнь обещаю, отправлю к Хану, а там – как он скажет... Ладно, Швед, показывай, что вы там добыли.

Швед с Алексом повели Батяку через производственное помещение в заднюю часть здания, где располагались лаборатории и прочие службы. За командиром как бы невзначай увязались двое бойцов. Алекс привел к двери без таблички, показал, где заперли пленного

армейца. Батька подобрал с пола несколько листов, поглядел, хмуря лоб и бормоча: «Хан об этом говорил. Это ему нужно доставить, Хан разберется...». Потом изрек:

- Ну, вот что, люди. Отпустить я вас теперь не могу. Вы это добро видели, а оно секретное. Побудете с нами покуда.

- Интересное дело получается, - заявил Швед, надвигаясь на Батьку. – Я вам помог, мне за это пулемет был обещан. А вместо благодарности – меня же и под арест?

Батька отступил на шаг, а сопровождавшие его бойцы подняли автоматы. Алекс с тревогой следил за отшельником. Он-то отлично понимал, что с людьми вроде Батьки нужно быть очень осторожным. А понимает ли Швед?

- Это временно, потом отпустим. Хан разберется, - сохраняя прежнее сонное выражение на лице, ответил Батька. – И автоматы свои отдайте. Вам же спокойнее будет. Повторяю: это временно, пока Хан скажет.

- Несправедливо поступаешь, Батька, - рискнул вставить Алекс. Но командир в его сторону даже не глянул. Справедливость волновала Батьку меньше всего.

Швед нагнулся и, звякнув осколками стекла, подобрал с пола листок.

- Из-за этого вот? – Он снова шагнул к командиру кочевников, протягивая лист, - Из-за этих старых бумажек ты нас под арест? Что здесь написано-то? «Вектор»? В чем тут штука? Что за «Вектор» такой? Почему из-за него мне жить спокойно не дают?

- Тебе нельзя это читать!

Батька, на миг стряхнув привычную неторопливость, поспешно выхватил бумагу из пальцев Шведа, а тот лишь этого и ждал. Оказалось, он, поднимая документ, прихватил с пола и осколок стекла. Он метнулся вперед и, не успели автоматчики моргнуть – Швед уже стоял за спиной Батьки, прижимая к его шее стекло.

- А ты сам-то готов из-за этих бумажек сдохнуть? – проговорил он Батьке на ухо. – Или только других под пули посылать умеешь? Давай проверим?

Рука Шведа шевельнулась, по стеклу сползла капля крови. Батька поморщился.

- Чего ты хочешь?

- Я хочу отсюда уйти. Не нравится мне здесь, потому что воняет. Веди своим оружие на пол положить. Медленно-медленно.

Бойцы переглянулись, стволы автоматов поползли вниз, но бросать оружие они не торопились. Ждали, что скажет или сделает командир.

- А что после? – спросил Батька. – Ну, вот что мы сейчас будем делать?

- А просто пойдем себе помаленьку. В обнимочку, как добрые приятели. А эти двое здесь посидят, чтобы мне не нервничать. А то, знаешь, рука дрогнет.

- Выйти из здания не получится. На крыше армейцы, они разбираться не будут, положат всех, кто покажется.

- Хм... тут ты прав. Но выбора-то у нас нет. Придется нам с тобой рискнуть. В конце концов, какая разница? Все равно Имир восстанет, и наш мир пропадет. Может, прямо сейчас? Тогда я ничего не теряю, все равно миру конец, и нам всем конец. Главное, помереть нужно достойно. А у тебя под арестом – нет, я не согласен. Нет в этом достоинства.

Алекс медленно пошел к двери, Швед поволок Батьку за ним, по-прежнему удерживая острое стекло у горла пленника.

В коридоре прохаживался боец, поочередно заглядывая в каждое помещение, с табличками над дверью и без. Увидев, в каком положении находится Батька, он растерялся, и Алекс, подскочив к нему, врезал коленом в живот. Кочевник охнул, согнулся. Алекс сорвал с его плеча автомат, а самого втолкнул в пустое помещение и запер, просунув между дверных ручек ржавую арматуру.

В производственном цеху никого не было, зато, когда Алекс со Шведом вступили в следующий зал, на них тут же было направлено десятка два стволов. И воцарилась тишина.

- Никогда не хотел быть в центре внимания, - пробормотал Алекс, - но популярность пришла ко мне сама...

Швед буркнул что-то неразборчивое и поволок Батьку через зал к баррикаде у входа.

- Бойцы! – неожиданно крикнул пленник. – Слушать меня!

Он уперся, не обращая внимания на острое лезвие, прижатое к горлу. Пришлось и Шведу сдерживать шаг.

- Бойцы! – продолжил Батька. – Стреляйте в этих двоих! Меня не жалеть!

Кочевники зашевелились, но стрелять никто не решился.

- Ты чего? Правда, такой смелый? – пробормотал Швед. Потом тоже повысил голос. – Эй, люди, я этого не хотел. Я ваших провел через опасные места, мы с армейцами вместе дрались! Миронов, Ржавый, скажите им!

Алекс окинул взглядом зал, выискивая прежних спутников. Миронова не было видно, а Ржавый поспешно опустил глаза. Но сомневаться не приходилось – они уже успели рассказать о подвигах Шведа. Может, в этом и была причина нерешительности подчиненных Батьки. Хотя скорее парни до того боялись командира, что не могли направить ствол в его сторону. Пусть даже по его собственному приказу.

Швед толкнул Батьку, и они снова зашагали, держась тесной группой, среди направленных на их сторону стволов. У баррикады Батька снова уперся и заорал:

- Огонь! Ну! Я приказываю!

И тут началась стрельба! Но вовсе не та, на которую рассчитывал Батька. Ударил пулемет, и пули калибра 7,62 мм заколотили в стены. Зал сразу наполнился грохотом и гулом, чернорыночники попадали за укрытия, силясь сообразить, кто и по кому ведет огонь. Алексу тоже очень захотелось повалиться на пол, забиться в какую-нибудь щель, но Швед бросился к баррикаде, волоча за собой упирающегося Батьку, и Алекс метнулся за ними. На бегу он разглядел за грудой металлического лома... Яну. Знакомый ПКТ на самодельных сошках трясся в ее руках, и Яна тряслась вместе с ним так, что, казалось, вот-вот рассыплется на куски. Но пулемет грохотал и грохотал, ствол был задран вверх, и пули разлетались все выше, долбили стены, потолок...

Беглецы с пленником взобрались на баррикаду, сбежали вниз, Там Швед резко развернул Батьку, врезал ему коленом в пах, потом кулаком в челюсть. Стрельба стихла. Командир Черного Рынка свалился, как мешок, а на гребень баррикады вскочила Яна... спрыгнула. Алекс поймал ее руку и помог устоять. Швед заорал:

- Ходу! Пока они не опомнились!

Они побежали. До ворот с заглохшей «таратайкой» было метров пятьдесят открытого пространства. Половину удалось преодолеть спокойно, потом армейцы с крыши, заметив беглецов, открыли огонь. Они не понимали, кто и зачем бежит, и сперва раздалось несколько разрозненных выстрелов. Зато потом ударило не меньше десятка стволов. Алекс подумал на бегу: «Вот оно, человеческое сознание! Если рядом стреляют, то так и тянет присоединиться. Особенно, если ствол под рукой!» На гребень баррикады в цеховых воротах высыпали кочевники. До ограды оставалось метров пятнадцать, не больше, когда они тоже начали стрелять. Алекс мчался изо всех сил, рядом на бегу визжала Яна, но пули вокруг не свистели, и это было удивительно. Оглянувшись, Алекс разглядел, что Швед обернулся к зданию и пятится, широко раскинув руки. Вокруг него в воздухе вспыхивают белые росчерки, тускнеют и постепенно гаснут, но рядом высверкивают новые и новые.

Из-за броневики показались удивленные рожи чернорыночников.

- Чего уставился! – заорал Алекс, подбегая. – Бей возрожденцев! Огонь по крыше!

Получив наконец точное указание, бойцы с облегчением задрали стволы и стали поливать свинцом армейцев. Алекс с Яной вскочили в узкий просвет между бронированным боком «таратайки» и косяком ворот. Шведу оставалось пройти еще с десятков шагов, когда пространство вокруг него ярко вспыхнуло, рассыпались быстро тускнеющие отсветы, Швед повернулся и бросился бегом. Позади него пули выбили фонтанчики сухого слежавшегося грунта так густо, что, казалось, земля в этом месте вскипела. Швед длинными прыжками домчался к воротам, тут кочевник, стоявший за «таратайкой», сообразил, что его соратники

стреляют вслед беглецам, и неуверенно повернул ствол. Швед врезался в него, отшвырнул и побеждал следом за Алексом с Яной, уже с чужим «калашом» в руках.

Они промчались вдоль цеховой ограды, потом начались густые заросли, скрывающие овраг. Яна бросилась к кустарнику, нырнула в него, остальные – за ней. Стрельба пошла на убыль, но не смолкала. «Даже странно, - подумал Алекс, - нас не видно. По кому же они палят? Просто не могут остановиться...»

Овраг был неглубокий, так что бежали, пригибаясь, к тому же справа и слева из земли торчали крепкие упругие корни. Яна споткнулась и зашипела, ударившись коленом. Швед налетел на корневище и выругался... перешел на шаг. Поднял руку и поглядел на неопрятный серый ком, зажатый в кулаке.

Алекс тоже сдержал шаг и оглянулся:

- Швед, ты что сделал? Почему они в тебя не могли попасть? Что у тебя в руке?

- Уже ничего, - с сожалением пробормотал Швед.

Выбросил смятый ком и вытер руку о куртку.

- А был «оникс», - вставила Яна, потирая ушибленное колено. – Он подобрал в подземелье, там, где один из ваших в «спираль» влетел. Ох, и смешно вы тогда убегали!

- Значит, за нами шла? – кивнул Алекс.

- Ага...

- Ну, ты даешь! Как же ты одна там проскочила?

- Так и проскочила. Вы дорогу расчистили, а я за вами следом. И потом, гляди, что у меня есть! Видал такое?

Яна показал флягу, так затейливо оплетенную корнями, что они складывались в густой узор, под которым едва виднелся алюминий стенок. Красивая вещица.

- Знаешь, что это? Нет? Я у крайних сперла.

- Крайние, это которые из поселения Край? – уточнил Алекс. – Ты и там бывала?

- Нет, сами мне принесли. Отряд из Края зачем-то в здешние места заявился. Ну я, конечно, решила проверить, что они с собой таскают. Когда еще будет случай? Вот... Ну, и прихватила, уж очень затейливо украшена фляга была, мне интересно стало. Там какая-то гадость налита, - Яна тряхнула свой трофей, внутри булькнуло, - пьешь ее, а после можно в Лес идти. Не то, чтобы совсем безопасно, но все-таки можно.

- Кто ты, пигалица? – Швед только теперь оглядел спутницу, как следует. – Мелкота, а ловкая. И нас, прямо скажем, выручила. Так кто же ты?

Алекс прикинул: вроде, сейчас самый подходящий момент, чтобы объяснить Шведу, что это та самая воровка, которая вчера влезла в его неприступный дом.

- Вообще-то, она твоя дочь, Швед, - начал он издалека, - во всяком случае, вчера была дочкой. Наконец-то состоялось воссоединение счастливой семьи. Очень трогательно, между прочим.

Швед остановился и полез пятерней в бороду – призадумался, значит. Потом до него дошло, о чем говорит Алекс, и он кивнул:

- Ага, та самая, значит.

- Ты ведь не в обиде? - уточнил Алекс. – Она же ничего не взяла...

- Бедно живешь, папа, - подхватила Яна, - взять-то было нечего. Но я это... сожалею! Обещаю больше так не делать! Вот!

- Эх, ребятки... - протянул Швед. – И надо бы мне сердиться... Дочь... а почему бы и нет? Гляди – вылитый я.

Алекс ухмыльнулся. Более несхожую пару трудно себе вообразить. Яна – тонкая, гибкая, черноволосая и черноглазая, а Швед – коренастый, плотный блондин. Возраст, правда, подходящий – он Яне в отцы, пожалуй, годится.

- Семейное сходство – вещь сложная, - изрек Алекс. – Но мы зря здесь остановились. Идем!

- Так вот, пигалица, - продолжил Швед на ходу, - с памятью у меня чего-то. Алекс уже

знает, так я тебе говорю. Не помню, была ли у меня семья. Может, и дочка когда-то в самом деле была. Но тут...

Он постучал себя по голове.

- Тут пустота и темнота. Очень меня это напрягает, понимаешь... как тебя?

- Яна.

- Вот, Яна. Мне бы вспомнить, кто я, что с моей семьей, если она была. Даже не знаю, как искать, ведь никаких концов. А тут вы говорите: дочка... Нет, не буду я сердиться, только больше так не шутите. Про дочку – не надо.

- «Вектор», - напомнил Алекс, - в твоём прошлом было что-то, связанное с «Вектором».

- Да, «Вектор». То самое, что и армейцы, и Черный Рынок здесь искали. Теперь нам к Химзаводу не подступиться. И никак не вызнать, что же там такое было, связанное с этим самым «Вектором». Там сейчас на крыше армейцы, внизу Черный Рынок...

- А из-под земли Лес лезет, - подхватила Яна. – Только это еще не все! Армия Возрождения не только этот отряд отправила, есть и другие. Может, они тоже «Вектор» ищут?

- Тебе-то откуда знать?

Яна задохнулась от возмущения:

- Ха, стала бы я говорить, если бы не знала? Ну-ка, стой! Вот я... я сейчас... - она скинула рюкзачок, порылась в нем и торжественно извлекла пачку документов, - гляди! Я у капитана Возрождения прихватила, пока вы прохладжались! Смотри! Видишь, красные крестики? Один на Химзаводе. Разверни, внутри план, видишь? Видишь или нет? План Химзавода. На нем тоже крест. Где?

Швед зашуршал листами, разворачивая карты.

- Да, на плане Химзавода помечен цех №17. Пожалуй, ты права, пигалица. Интересно, куда они еще зондер-команды отправили? Где тут кресты... Ага, вот... и вот здесь... Где-то там найдутся ответы на вопрос: что же такое «Вектор»?

- В книгах о пиратах любая интересная история начинается с карты, помеченной красным крестом, - заметил Алекс. – Значит, по этой карте мы можем найти ответы, так? И Армия Возрождения с Черным Рынком тоже туда будут стремиться. Интересный поворот!

Он помолчал и добавил:

- Швед, а ведь на нас теперь и Черный Рынок, и Армия Возрождения ополчатся. Батяка тебя не простит.

- Еще бы, - Швед потерял в бороду, - не должен простить, тут я уверен. Я его неплохо приложил, запомнит на всю жизнь. Ему до сих пор нечасто так перепало, точно вам говорю. Иначе не был бы таким уверенным. Битый – он всегда скромнее держится, чем небитый. Ты к чему клонишь, Алекс?

- К тому, что возьми меня с собой. Не хочу один от всех бегать и прятаться. И потом, мне тоже интересно, что это за «Вектор». Там, наверное, много книг.

- Эй, Алекс, Швед, - напомнила о себе Яна, - я тоже с вами. Вы же без меня пропадете. Кто вас еще выручит, когда вы снова в беду угодите?

Алекса это предложение обрадовало, но Швед забеспокоился:

- А тебе-то что с нами, Яна? Это опасно будет.

- А без вас не опасно? Целый отряд Черного Рынка меня видел. Думаешь, они не обиделись за то, что я их рылами в пол всех ткнуть заставила? Они меня хорошо запомнили, точно! И потом... - Яна, похоже, смутилась. Первый раз смутилась, отметил про себя Алекс. – Надоело мне одной быть. Хочется с кем-то вместе, а вы, вроде, люди нормальные. И вот ты, Алекс...

Она исподлобья глянула – не смеется ли собеседник. Потом набрала воздуха в легкие и затараторила:

- Знаешь, когда я в паутину влезла... ну, в подвале у Выселок... и тут ты появился. И просто помог, ничего не спрашивая. Со мной такого не бывало. Все чего-то хотят за свою помощь. Это в лучшем случае. Обычно и за плату не помогут, все обидеть норвят. Ну, меня не

очень-то обидишь. А, неважно! Я о другом: ты просто взял и помог, как будто мы сто лет друг друга знаем и всегда выручаем, если что. Как будто так и надо. Как будто всегда так было. Непривычно мне.

Она говорила все быстрее и быстрее, как будто спешила выплеснуть то, что копилось в душе годами.

- Никогда со мной раньше не было такого. Мы просто стояли у окна и разговаривали! Просто разговаривали! Мне же до сих пор ни с кем не случилось просто поговорить! Просто! Без всяких дел! Просто поговорить! Я всегда одна, всегда прячусь, меня не видит никто! Я боялась, чтобы увидели! Были, знаете, такие случаи... Не могу больше прятаться, надоело! С вами хочу!

Яна выговорила и, опустив голову, исподлобья глядела то на Алекса, то на Шведа – не будут ли смеяться над ее порывом откровенности?

Швед привычно теребил бороду, а Алекс сказал:

- Я не против. Идем вместе.

Наконец Швед тоже высказался:

- Я бы запретил, но... ты ведь все равно за нами потащишься, верно?

- Обязательно потащусь, - согласилась Яна. – Это же я карту добыла, а на карте отмечено что-то такое, что и Черному Рынку, и Армии Возрождения нужно. И я тоже это хочу. Точно, в этом «Векторе» есть добыча, раз всем он нужен!

- Ну, что ж... Добро пожаловать в нашу компанию... дочка.

И улыбнулся в бороду.

- Смотри внимательно, Яна, - заявил Алекс. - Улыбка Шведа – это очень редкостная штука! И если это только начало, боюсь даже загадывать, что нас ждет впереди!